

Алина Аффи

An illustration of a young man and woman in a dark, gothic setting. The man, in the background, holds a flashlight that illuminates the woman in the foreground. The woman has curly hair and freckles, wearing a blue denim jacket over a striped turtleneck. The background features a large crescent moon and the dark silhouette of a castle with multiple spires.

МИДНАЙТ ХИЛЛ

Дом Охотников

18+

Алина Аффи

Миднайт Хилл. Дом Охотников

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72266296

SelfPub; 2026

Аннотация

Мелисса уехала, но ужасы Миднайт Хилла не отпускают ни её, ни братьев де Лордесов. Шёпоты в голове измучили Ламмерта, и он решает отправиться в лес на неизвестный зов в попытке раскрыть тайну своего происхождения.

В Доме Охотников новый главнокомандующий – жесткий и радикальный. Такой подход по вкусу Нилу Хантеру, но с каждым полнолунием мистические ритуалы все сильнее заводят в тупик Охотников. К каким последствиям приведут всплывающие тайны прежней главы?

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	24
Глава 3.	43
Глава 4.	61
Глава 5.	78
Глава 6.	98
Глава 7.	113
Глава 8.	125
Глава 9.	140
Глава 10.	149
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Миднайт Хилл. Дом Охотников

Глава 1.

март 2013, месяц до приезда Мелиссы в Миднайт Хилл

Сводчатые потолки были различимы только благодаря пламени сотен свечей. Вверх уплывал дым от благовоний, а погребальное пение отражалось многочисленным эхо. С непривычки от обстановки у Нила пробежали по плечам мурашки.

Он бывал на похоронах раньше. Охотники погибали на заданиях, коллеги провожали их с почестями. Пока для Нила существовал только один запах смерти – цветочно-восковой аромат фимиама, который окутал готический зал будто сама костлявая старуха душу усопшего. Обычно он знал о мертвецах немного – внешность, звание, позывной.

Сейчас все было иначе. В разы торжественнее. Нил подозревал, что Охотников на самом деле много, но от их нахождения в одном месте, от осознания их силы и опыта в легких было тесно, а плечи невольно расправлялись. Нил был в ритуальном обмундировании, как и десятки людей вокруг: под черной мантией с капюшоном пальцы сжимали охотничью маску. Он стоял в последнем ряду от широкого прохода. Из-

за роста и статуса. Но даже отсюда было видно, как на высоком пьедестале между колонн везут гроб главнокомандующей.

– Как думаешь, ей сняли кольца? Посмотрели, что под ними? – прошептал Нил, слегка наклонившись к Вербене.

Вербена подняла подбородок, чтобы рассмотреть процессию за чужими широкими спинами. Свет сверкнул на линзах её очков.

– Я слышала, что Сова категорически запретила.

Нил фыркнул. Сова, правая рука главнокомандующей, вышагивала рядом с гробом. В парадном мундире, разодетая, будто на собственную коронацию. Впервые седые волосы не были собраны в тугий хвост, а лежали на плечах, не покрытые капюшоном. Она скорбяще склонила голову.

– Бред, – пробасил Нил. – Даже после смерти будут её покрывать? Домом Охотников руководила тварь, на которых тут учатся охотиться, и все с такими почестями её хоронят?

Мужчина перед Нилом резко обернулся и смерил высокого юношу презрительным взглядом.

– Позывной, быстро.

Нил оборонительно прищурился.

– Что я такого сказал?

– Позывной.

– У меня нет позывного.

– И не будет, – отрезал мужчина и присмотрелся к скуластому лицу и большому носу с горбинкой, силясь запомнить

наглеца в полумраке свечного света.

Как только тот отвернулся, Нил соорудил для Вербены недовольную гримасу и раздраженно кивнул на отчитавшего его Охотника.

– Прощу его простить, сэр, – не сказала, а почти отрапортовала та.

Нил сжал губы и повел головой, как от пощечины. Он имел в виду совсем не это. Но когда Охотник впереди презрительно хмыкнул, Нил не выдержал:

– Не нужно извиняться за правду, даже если господин важный Охотник на неё обижается.

Мужчина рванул Нила за грудки, и тот дернул губой и взметнул подбородок, чтобы смотреть гордо, хоть и согнувшись.

– Каришма была великой, – с трепетом сказал мужчина, обдав Нила дыханием с запахом коньяка и табака. – Ты, щенок, даже не представляешь, какой без нее был бы мрак. Она – дар Всевышнего, чтобы мы не барахтались в неведении перед нечистью. Без неё мы снова окажемся во тьме, особенно если таким, как ты, дадут право держать в руках арбалет.

Глаза мужчины иступленно бегали по лицу Нила. Они, красные, нездоровые, были полны влаги. Охотник, наконец, ослабил хватку, позволив Нилу выпрямиться, и отвернулся. Нил закатил глаза и раздраженно вздохнул, взглянув на Вербену. Та задумчиво изучала Охотника, а потом лишь повела бровью и пожала плечами, прежде чем устремить взгляд об-

ратно к гробу главнокомандующей, который успел доехать до величественного обелиска в конце зала.

Сова вскинула руку, и пение замолкло.

– Сегодня мы провожаем в последний путь великого человека. На её счету сотня поверженных врагов. Сотни спасенных жизней. Каришма – достойнейшая главнокомандующая, положившая жизнь на то, чтобы Дом Охотников, её Дом, нес благо и защиту. Она любила каждого, кто служил здесь, как собственного ребенка. И вот её дети, её ученики, сейчас скорбяще прощаются с ней.

Нил снова фыркнул, но сдержал комментарии. Он не был учеником Каришмы, не был её ребенком. Она говорила с ним единожды, во время их первой встречи, когда Нил был еще подростком. Её голос с акцентом и цепкий взгляд пробрали до мурашек. Сердце колотилось, накинута оторопь. Он не мог отвести глаз, как загипнотизированный. Беспомощный. Всемогуший. Каришма пожелала ему удачи в обучении, положила руку на плечо и даже, как ему тогда показалось, тепло улыбнулась. Весь тот день он не мог прийти в себя. Нил был готов поклясться, что отдаст за неё свою жизнь. Только потом он узнал, что так ощущается могущественная нечисть.

Невысокая, особенно по сравнению с ним, статная старушка с пучком седых волос, в мужском кителе с длинными фалдами и ботфортах. Старость не мешала ей выглядеть так, будто прямо сейчас она готова отрубить голову десятку вам-

пиров. Будто ничто не сможет её сморить, как и на протяжении сотни лет. Но смерть все же взяла свое. Главнокомандующая Каришма лежала в обитом белым шелком гробу, а кольца на её шее все также поблескивали, сводя Нилу зубы.

– Это большая потеря для всех нас, – заканчивала Сова, борясь с дрожью в голосе. – Но Всевышнее решило, что на земле её работа окончена. Мы должны стать её достойными преемниками. Сердце, – женщина коснулась двумя пальцами груди, – Разум, – она переместила их на лоб, а затем подняла к потолку, – Всевышнему!

Охотники синхронно повторили этот отточенный жест. Гром в основном мужских голосов наполнил зал. Нил остался недвижим. Вербена недовольно дернула ноздрей, заметив это. Она аккуратно сняла очки, прежде чем надеть маску и набросить капюшон. После непродолжительного шуршания Охотники превратились в безликую жуткую толпу, наблюдающую, как закрывается гроб, как его увозят, чтобы сжечь. Дом был обезглавлен как его враги.

Нилу нравились охотничьи ботинки: удобные, на толстой подошве. На черной коже не образовывались заломы. Он носил их в любой сезон и при любых обстоятельствах, и мог бы даже указать в завещании, чтобы его в них похоронили. Умирать, однако, Нил не спешил.

Ничто в Доме больше не напоминало о похоронах: ни теплый свет, ни громкие разговоры, ни запахи. Было сложно по-

верить, что Каришма больше не появится в проходе, цокая сапогами.

Двухэтажный атриум с черным обелиском посередине был самым просторным помещением в Доме. Отсюда начинались коридоры в другие части подземелья, и Охотники сновали туда-сюда как мышки в норке. Точнее, пожалуй, как хищники, только Нил не знал опасных хищников, живущих под землей в лабиринтах тоннелей.

Колонны и стрельчатые арки держали балкон второго этажа. За аркадой вдоль стены стояли диваны: коричневые, с резными ножками под старину, но довольно удобные. Бра с мягким светом, трубы отопления где-то за каменными стенами и широкая винтовая лестница на выход – чтобы метнуться до магазина – и вот уже атриум стал местом сбора учеников.

Глухие шаги Нила и Вербены заставили их лениво поднять глаза. Нил старался не наступать на тень от обелиска, торчащую во все стороны из-за ламп и огромной люстры под куполом, но виду не подавал, сохраняя серьезный вид. Ученики выставили диваны буквой “П” вокруг низкого стола, заваленного конспектами. Черные водолазки подчеркивали их развитые тренировки тела. Кто-то бесстыдно закинул ноги в тяжелых ботинках прямо на исписанные листы.

– О, зеленоглазки подтянулись, – заметил Джейсон, чернокожий коротко бритый парень.

Джейсон первым обратил внимание на схожие черты

внешности Нила и Вербены. Прозвище прижилось. Правда на двоих у них было всего три зеленых глаза: за тонированной линзой очков-авиаторов Вербена прятала бельмо.

Нил пожал руку всем присутствующим и грузно рухнул на диван, закинув локти на спинку. Вербена пристроилась с краю, нагнувшись и по-мужски расставив ноги.

– Как чтиво? – спросил Нил, окинув взглядом исписанные тетради.

– Чертовы травки, братан, – Джейсон недовольно дернул головой. – Я что, тёлка, чтобы столько рецептов учить?

Остальные ученики, среди которых была только одна девушка – Вербена – согласно закивали.

– А вдруг тебя ранит оборотень в полнолуние, а вокруг только бабушкины грядки? – её голос был низким и твердым. Поэтому, или из-за мускулистых плеч и ног, юноши часто забывали, что в их компании есть “тёлка”.

– Ну про аконит-то я знаю, – пренебрежительно хмыкнул Джейсон.

– От дельфиниума отличить сможешь?

– Это экзамен что ли?

Вербена вздохнула и повернула голову к Джейсону. Она пальцами зачесала темные волосы назад, но длинная челка скользнула обратно по скулам к носу, почти загородив зрячий глаз.

– По листьям и цветам, – начала она спокойно и с расстановкой, – У аконита чашелистики заостренные, синие цветы

похожи на шлем, а у...

– На член? – перебил Джейсон, подчеркнув свой безучастный вид ковырянием в зубах.

Вербена опять вздохнула, обвела взглядом смеющихся, будто она единственная взрослая в яслях, и остановилась на Ниле. К её сожалению, он тоже посмеивался. Её разочарованный вид побудил его вступить, но по-своему:

– Разве она спросила, на что ты пялишься, когда видишь Говарда?

Джейсон исподлобья зыркнул на довольно ухмыляющегося Нила под матерные пожелания об импотенции от сидящего на другом конце Говарда.

– А у дельфиниума...

– Серьезно? – вновь попытался перебить Джейсон.

– А у дельфиниума цветы расправленные и разных оттенков, – с нажимом закончила она. – Это жизнь может вам спасти.

– Ага, вот это все! – Джейсон пренебрежительно обвел рукой тетради, на что Вербена лишь закивала, нравоучительно поднимая брови. – Как насчет этого?

Джейсон напряг бицепс, и тот внушительно натянул упругую ткань. Парень холодно зыркнул на тело Вербены, молча сравнивая. Она дернула ноздрей. Нил отлично знал это раздражение. Славно, что в этот раз он ни при чем.

– Так вот куда у тебя мозг сполз, – сказала Вербена, и уголок рта Нила потянулся вверх.

Джейсон медленно опустил руку и резким движением размял плечо. Запахло жареным. Нил решил сесть поудобнее так, чтобы его перемещения прервали смертельный зрительный контакт. Это помогло: Вербена облокотилась на спинку и запрокинула голову к потолку, а Джейсон, наоборот, уперся локтями в колени.

– Лучше скажите, выбрали позывные? – спросил Нил, чтобы у них не было времени придумать фразы для продолжения ссоры.

Джейсон оживился.

– Я думаю взять “гепард”.

Нил резко усмехнулся, будто чихнул в себя.

– Гепард? – уточнил сквозь хрипловатый смех он. – А чего сразу не лев, король прайда? – он наклонился к Джейсону и намеренно понизил голос.

Джейсон напряг скулы. Он был старшим среди учеников и, поговаривали, пошел в Охоту, потому что повидал многое и руки его уже были в нечистой крови. Поэтому или из-за каких-то неведомых Нилу причин, остальные ученики стали относиться к нему как к гребаному вожаку. Но не Нил. И не Вербена.

– Да пошел ты, Хантер. У меня африканские корни. Я самый быстрый в группе и я – убийца, – агрессивно процедил он в лицо Нилу, который не мог перестать улыбаться. – Сам-то придумал?

Нил звучно выдохнул и слегка съехал на диване вниз, что-

бы запрокинуть голову на спинку. Глаза изучали каменную кладку потолка.

– Да блин. Еще не выбрал. Думал “гончий” или “ловчий”. У меня у деда же был позывной... – оживился Нил и поднялся.

– Да-да, – раздраженно перебил Джейсон, – дед твой был Великой Ищейкой, мы уже выучили. Еще надо мной ржал. “Гончий”, блин.

Нил нахмурился. Не так уж часто он говорит о своем деде. И позывной еще не выбрал. Он посмотрел на Вербену. Она подняла на него насмешливый взгляд и хмыкнула. Уже слегка нагнулась, чтобы ответить что-то Джейсону, но тот опередил её.

– А ты? – Джейсон неуверенно бросил взгляд на зеленый глаз за линзой, стараясь не обращать внимания на соседнюю, черную.

– Вербена – и есть мой позывной.

– Точно-точно.

– Тебе все же стоит подтянуть ботанику, Джейсон, – заметила она.

– А тебе стоит перестать быть такой занудствующей сукой.

Нил взметнул брови в тишине. Только звонкий стук каблучков исследовательских туфель отражался от стен холла, но никто на него не реагировал. Вербена помедлила пару секунд, ждала, что Джейсон все же на нее посмотрит. Не дождалась. Он скрестил пальцы и злобно пялился в подошву

охотничьего ботинка на тетради с конспектами. Тогда Вербена молча встала, засунула руки в карманы и направилась прочь. Нил тряхнул головой.

– Еще раз сморозишь что-то про Вербену, я тебе глаз на пятнистую задницу натяну, Гепард гребаный, – Нил встал с дивана.

– Ну так попробуй, – с ленивым вызовом отозвался тот.

Нил, не оборачиваясь, показал средний палец над плечом и за несколько шагов нагнал подругу. Компания проводила их молчаливыми взглядами. Джейсон аккуратно оценил реакцию своего “прайда”, а потом зажмурил глаза. Почувствовал толчок в плечо.

– Да чего ты на неё реагируешь, она помрет при первой же заварушке, – заметил Сэм, плотно сбитый парень с густой темной щетиной. – Пестиками и тычинками кровососов рубить будет?

Джейсон только тряхнул головой, прислушиваясь к вспыхнувшим в компании сплетням.

– Почему у нее уже есть позывной? – спросил один из учеников. – Она уже прошла посвящение?

– Вряд ли, зачем ей тогда ходить на тренировки, – ответил другой.

– Она тут с детства, как и Нил. Может поэтому.

– Они не встречаются, не?

Джейсон исподлобья обвел друзей взглядом, заинтересовавшись последним вопросом. Они пожали плечами или

неоднозначно хмыкнули.

– Она за ним как хвостик вьется. Странно, если нет, – с усмешкой предположил кто-то на другом конце дивана.

– Странно, если да. Ты её видел вообще? Натурально же мужик.

Сэм громко перебил вспыхнувшие споры о женственности Вербены:

– Я вообще сначала думал, что они брат и сестра! Глаза, волосы. И дылды оба.

– Я буквально до этого момента так думал!

Джейсон слушал болтовню, устремив взгляд в арочный проход, в котором скрылись две высокие фигуры. Он не хотел ничего доказывать, но если бы зеленоглазки видели его в деле, то больше не посмели бы сомневаться в его подготовке. Джейсон рожден стать Охотником. Он хотел, чтобы его окружали такие же соратники. За этим он и пересек столько стран, чтобы попасть в Миднайт Хилл.

В зале для собраний толпились люди. За столом на возвышении уже собрались командиры Дома Охотников, но место в середине пустовало. За их спинами между готических колонн возвышалась статуя человека, скрытого мантией и вздернувшего к потолку руку с мечом. По прямоугольному наконечнику можно было догадаться, что скульптор вдохновлялся главнокомандующей Каришмой.

Пахло потом, зверобоем, полынью и железом. Старшие

Охотники уже сели в первых рядах, в последних суетились остальные вместе с исследователями, маячившими в своих белых халатах. Им же, ученикам без звания, оставалось только толпиться сзади. Нилу было чуточку удобнее: он мог опереться на стену и не беспокоиться, что ему загородят обзор. Взгляд стелился над макушками остальных. После смерти главнокомандующей в Доме стало непривычнолюдно.

– Надеюсь, Каришма выбрала Сову своей преемницей, – шепотом заметила Вербена, взметнув подбородок к уху Нила.

– Если главнокомандующим не станет Клык, я брошу это дерьмо и уйду работать в автомастерскую на полную ставку, – отозвался тот.

Вербена сжала губы, но даже не подняла взгляда.

– Главное, чтобы не Анкх, – бросил из-за плеча Джейсон. Он стоял впереди, скрестив руки на груди.

Сова сидела по правую руку от пустого места. Она ковырялась в ногтях. После смерти главнокомандующей её лицо как-то обвисло, состарив на десяток лет. Теперь она выглядела на свои шестьдесят с чем-то, правда все равно не вписывалась в обстановку с креслом-качалкой и внуками – слишком острая и подтянутая.

Почти неслышно на сцене появился низкий мужчина в темно-синей шинели с серебряными пуговицами. Он стремительной походкой добрался до центрального места за столом и сел. Присутствующие быстро смолкли. Нил и Вербена

обменялись недоуменными взглядами.

Нил пару раз видел его в Доме, такую внешность сложно упустить. Лысина сверкала, словно отполированная, а крючковатый нос напоминал орлиный клюв. Незнакомец пристально осматривал зал.

– Для тех, кто меня не знает: мое имя Карл Линд, – произнес он в полной тишине. Голос был холодным, как каменные стены. – Я ваш новый главнокомандующий. Это общее решение командиров, одним из которых я являюсь с 1997 года.

От этой информации глаза Нила распахнулись. Он нагнулся и стал по-ребячески дергать Вербену за рукав, чтобы убедиться – она тоже поняла, что Линд сейчас сказал. Он – таинственный четвертый командир Дома Охотников, в существовании которого так сомневались ученики. Каких только легенд о нем не ходило! Вербена закивала и приложила палец к губам.

– С моим послужным списком может ознакомиться любой, – тем временем продолжал Линд. – По запросу. Это понятно?

Тишина была такой явной, что Нилу казалось, будто он слышал, как кто-то сглотнул. Он сам от волнения проходил языком по зубам, рассматривая суровое лицо, изрезанное рубцами и морщинами. Линд с прищуром оглядел коллег за столом, остановившись на Сове.

– Главнокомандующая служила с момента основания Дома, – присутствующие затаили дыхание. Обсуждать это бы-

ло не принято. Все это знали, все знали, что так быть не должно. Казалось, когда-то устроили собрание, на котором договорились никогда не обсуждать происхождение главнокомандующей, а Нила предательски не позвали. Сова с вызовом смотрела в глаза Линду, – Всем здесь известно, что люди, – с нажимом произнес он, – столько не живут. Также всем известно, как нахождение рядом с некротическими существами влияет на психику, – он снова сделал длинную паузу, давая возможность сложить всем два и два. – Можем ли мы называть себя Охотниками после такого? – он, наконец, отвернулся от Совы и обвел взглядом остальных командиров, – Главная наша цель – непредвзятое истребление. Надеюсь, это понятно?

Нил глубоко задышал. Стало даже не по себе, как будто ему сейчас рассказали правду про масонскую ложу или рассекретили данные зоны 51.

– Что касается моих намерений, как нового главнокомандующего, – Линд скрестил пальцы в кожаных перчатках, – Я приложу все усилия, чтобы отныне и впредь как в стенах Дома, так и во всем Миднайт Хилле не осталось ни одного лишнего существа. В первую очередь это касается вивария. Я убежден, что его существование – прикрытие для того, чтобы оставить нечисть в живых, а также источник потенциальной опасности. Любое некротическое существо рано или поздно являет свою личину, забирая жизни людей. Это неизбежно. Поэтому никаких исключений больше не бу-

дет. Это понятно?

Линд на всех уровнях источал серьезность и угрозу: голосом, позой, взглядом. Нил даже засомневался в себе. Вдруг он на самом деле вылез на тех выходных из могилы и забыл, а теперь ему уже выцеливают лоб из арбалета? Он сглотнул.

– Я придерживаюсь принципов строгой дисциплины, – продолжал Линд, – Дом больше не будет клубом по интересам. Мы – военная организация. Мы – больше. Однако мои решения могут подвергаться обсуждению. Если вы достаточно заносчивы, чтобы думать, будто знаете и умеете лучше – продемонстрируйте, – он обратил взгляд к стоящим в конце ученикам. Нил подумал, что тот смотрит прямо на него, возвышающегося в толпе. – Я уважаю инициативу, смекалку, смелость и преданность долгу. За эти качества я намерен поощрять. Это понятно?

Как только новый главнокомандующий отодвинулся на стуле, зал наполнился беспокойным шепотом. Нил сунул руки в карманы, пытаясь осознать услышанное и сбросить жутковатый осадок. Линд покинул зал, и черная толпа Охотников зашевелилась и загудела: примерно так ощущалось и внутри.

– Пойдем отсюда, – нервно бросила Вербена, и стала протискиваться к выходу.

Они неслись по коридору с высокими потолками, будто куда-то опаздывали. Нил прокручивал слова нового главнокомандующего, и рот потихоньку все растягивался и растя-

гивался в улыбке.

– Черт возьми, Ви, ты вообще осознаешь, что он сказал про Каришму? – Она дернула ноздрей. – Я же то же самое говорил на похоронах, но меня за это чуть не вздернули. А что теперь? – ухмылка поселилась на лице, а в глазах блеснули искры. – Ви?

Он притормозил её за рукав, но она лишь дернула плечом.

– Скажи, почему *ты* упорно делала вид, что наша “великая” главнокомандующая – это нормально?

Нил старался заглянуть ей в глаза, но Вербена смотрела вперед и лишь вдохнула сильнее обычного.

– Чем она принципиально отличается от тех, кого мы убиваем? – настаивал он.

– Это хороший вопрос, Нил. Только ты его не под тем углом ставишь.

– Из какой коробки вылез этот дед? Где он раньше был? – продолжил он, будто его вопрос был риторическим и не требовал комментариев от Вербены. – Никто из наших на такое не осмелился бы, даже Клык. Как думаешь, это потому что Линд не был под волшебным влиянием нашей главнокомандующей? А про виварий? Ты задумывалась, зачем его организовали? Это ведь правда полный бред. Это как, не знаю...

– Сажать преступников в тюрьму, а не вести всех на расстрел? – закончила фразу Вербена, и Нил свел брови.

– Как ловить за крылья комаров и сажать в банку, вместо того чтобы... – Нил хлопнул себя по щеке, но перестарался

и незаметно погладил её. – Серьезно, все куда проще.

Вербена приподняла очки и стала усиленно тереть слепой глаз костяшками пальцев.

– Убивать без разбора – не проще, – все же сказала она.

– Как раз таки с разбором. Разобрался, кто есть кто, и...

– он прищурился и провел торцом ладони по шее.

– Звучишь так, будто прямо сейчас готов взять и расстрелять весь виварий.

Нил остановился, и это вынудило её тоже замереть посреди коридора и обернуться. Он мямлил губы, словно пытался сдержать неприятные слова за зубами, но не смог:

– А ты звучишь так, будто быть к этому готовым – ненормально, – в низком голосе дрогнуло раздражение. – В этом суть работы. Честно, не понимаю, что ты с таким мышлением здесь забыла. Убивать придется всем. И делать это проще и правильнее, когда ты не задаешь вопросов, хорошая нечисть или плохая. Слово “нечисть” говорит само за себя. Как “комар”, понимаешь?

Вербена сжала губы. Болотные глаза с маленькими зрачками смотрели на неё так пристально, будто очки исчезли, оголив уродство.

– Не пытайся меня ни в чем убедить, – отрезала она.

– Жаль, что ты не во всем такая жесткая, – Нил расправил плечи и отвел взгляд куда-то в даль коридора. Он снова недолго сопротивлялся сам себе, прежде чем произнести: – Вообще знаешь, желаю, чтобы тебе пришлось кого-то убить.

Перестанешь этого бояться, и все встанет на свои места.

Она молчала. Не двигалась. Нил боялся опустить глаза. Он ее обидел или разозлил? Лучше не знать. Его наверняка ждал тот самый убийственный взгляд. И как Вербена умудрялась смотреть так всего лишь одним глазом? Хотя, возможно, в этом и было дело.

– Ты сам еще никого не убивал, – холодно заметила она.

– Вообще-то я прибил того бородатого мертвяка, помнишь?

– Помню, что не прибил, Хантер. Твой выстрел был одним из многих, – возразила Вербена.

– В любом случае, не думаю, что с этим возникнут проблемы. Было бы кого прирезать, я бы прирезал, – Нил пожал широкими плечами, с опаской бросив взгляд на Вербену.

– Я тебя не узнаю, Нил.

– Я всегда был таким.

– Нихрена.

И правда. Не всегда. Но это не недостаток, Нил стал лучше. Он избавился от того нелепого слюнтяя, который сидел внутри подобно мокроте.

– Мы Охотники, твою мать, Ви. А Охотники и должны быть жесткими и решительными, – грубо, но негромко произнес он, – А ты все время мнешься, слишком много дум...

Вербена взметнула ладонь в попытке остановить его речь.

– До завтра, – обрубил ее, развернувшись.

– Да ладно тебе, – протянул Нил, опустив плечи.

– Я больше не хочу это обсуждать.

Он засунул руки в карманы, наблюдая за её грубой стремительной походкой.

– До завтра, Ви.

Глава 2.

Нил всматривался в ноутбук. Пальцы гуляли по керамической кружке с кофе в ожидании, когда он немного остынет. Экран нещадно отсвечивал. В двусветном зале их гостиной окна на первом этаже всегда были зашторены, но это не мешало просачиваться свету сквозь верхние, будто намерено целясь прямо в Нила. Глаза сосредоточились на отражении: на носу всегда была эта родинка или недавно появилась? Побриться бы тоже не мешало.

Звук автомобиля не привлек бы его внимания. По узкой дороге мимо дома периодически проезжали. Она вела к серпантину, а затем в следующий в цепочке городок Пайнвуд. Но оттого, что автомобиль остановился, по телу разлилась тревога.

Уже второй раз за день. Нил решил убедиться в своем предположении: встал из-за стола и медленно отодвинул штору. Пыльный красный седан парковался у соседнего дома. Из него вылезла женщина, опрятная и изящная, с короткой стрижкой. С пассажирского сиденья выскочила девочка в клетчатой рубашке и шортах. Выющиеся волосы торчали из хвостика.

Сзади подошла мама. Незаметно, как она умела, будто материализовалась прямо за его спиной. Она попыталась рассмотреть за фигурой Нила то, за чем он наблюдает.

– Они сюда жить приехали? – хрипловато произнес он. – Я думал так, на выходные, стариков помянуть.

– Может, хотят вещи увезти, – тихо предположила она.

– Днем привозили коробки. Что будем с ними делать?

Нил задернул штору и обернулся. Мама ростом была на много ниже него. Худенькая, со стрижкой пикси и огромными глазами, она часто моргала.

– С коробками?

Нил хмыкнул носом. Мама всегда так шутила, хотя он не был уверен, что намерено. За три длинных шага он вернулся к дивану и рухнул на него, вновь наклонившись к ноутбуку.

Наличие соседей напрягало Нила. Он, вроде бы, не делал ничего, раскрывающее его личность, но вдруг на самом деле так только казалось? Все-таки когда на несколько километров вокруг только птицы, олени, волки и медведи, чувствуешь себя в безопасности. Они точно не заметят ничего лишнего.

– Та девочка очень выросла, – произнесла мама. Она отошла от окна и села в кресло напротив. За её спиной под дощатым потолком висело чучело тетерева, расправившего крылья. Нил еще с детства представлял, как он оживает и садится на голову любому, кто был в этом кресле. Правда никто кроме мамы никогда в нем не сидел.

– Девочка? – повторил Нил. Он прослушал, пока думал о птице.

– Соседская. Марисса? Так её звали? Вы играли в детстве,

не помнишь?

Нил свел густые брови.

– Не помню.

– Странно, тебе было лет двенадцать.

Это был худший период в его жизни. Нил был очень тучным и постоянно за это огребал. В школе, в детском турлагере (особенно в нем), даже в парке на детской площадке. А желание играть с другими в войнушку клокотало внутри. За каждую “перестрелку” приходилось расплачиваться синяками. Неудивительно, что он не запомнил очередного ребенка, с которым не сумел подружиться. Но имя все же всплыло в памяти.

– Мелисса.

– Да-да. Может тебе стоит зайти к ним с визитом?

Нил взметнул брови. Пальцы нащупали подостывшую кружку и поднесли её к губам.

– Зачем?

– Показать, что мы нормальные и не подозрительные.

– Мы нормальные и не подозрительные, мам, – он улыбнулся, отхлебнув кофе.

– Старики так не думали.

– Старики умерли.

Железная дверь гаража с грохотом уехала к потолку, солнечные лучи коснулись руля. Усевшись на мягкое сиденье, Нил подобрал под себя полы болотного тренча и шепотом

спросил у мотоцикла:

– Как дела, малышка Ди?

Он повернул зажигание, и двигатель отозвался бархатистым рычанием. Это был дедушкин Харлей Дайна. Львиный рокот пугал, заставляя думать, что мотоцикл живой и дышит. А сам дедушка с колючей щетиной, в кожаной шляпе и пропахший горькими папиросами – его смелый укротитель. Это были самые яркие воспоминания детства. Спустя почти двадцать лет мотоцикл ощущался также, только теперь был подвластен и Нилу.

Кто-то посчитал бы кощунством запрягать такого зверя в коляску. Нил был отчасти с этим согласен. Но дедушка проделал такую инженерную работу, чтобы прикрепить коляску от старого послевоенного BMW, что вопросов не оставалось – он был уверен в своем решении. А Нил может купить себе свой мотоцикл. И он копил. Тоже на Харлей.

Нил издалека заметил толпу на въезде в город. Он успел припомнить дату и проверить, не забыл ли про какой-то праздник. Но чем ближе подъезжал, тем очевиднее становилась тревога, охватившая людей. Нил прищурился и остановился на обочине. Между ногами столпившихся просматривалась темная громоздкая куча. Нил выключил зажигание и, засунув руки в карманы тренча, направился посмотреть. В таком городе, как Миднайт Хилл, нельзя проезжать мимо потенциальной байки для друзей.

Мыча под нос услышанный утром гитарный риф, он аккуратно вклинился между двумя мужчинами. Сначала почувствовал кислый запах и только потом понял, что увидел.

Мертвый медведь.

Нил смотрел на него с высоты своего роста. В открытый мертвый глаз. Липкая от крови шерсть поблескивала на солнце.

– Как в девяносто втором, – озвучил мысли Нила причина, закуривая сигарету и вглядываясь в приоткрытую пасть. – Еще моя бабка находила такой труп, когда коров за городом разводила. Если еще появятся...

Он не продолжил, но присутствующие закивали. Нил прекрасно знал, что это значит. Оборотни. Главная история достижений его семьи.

Нил подтянул к носу ворот свитера. Нельзя делать поспешных выводов. Лучше осмотреться. Нил присел на корточки и изучил окровавленный загривок. По направлению шерсти казалось, что кожа вспорота до самой спины. Он бы не хотел, чтобы это напоминало раны от оборотня, но ...напоминало. Нил бы рассмотрел тело получше, расправил бы мех, но люди вокруг и так наблюдали с недоверием.

Он поднялся и, исподлобья бросив взгляд на окружающих, оценил степень их вовлеченности.

– Похоже на разрыв картечи, – стараясь звучать уверенно, сказал Нил. – У меня дед охотился. Видал такое.

Нил заметил, как мужики рядом закивали, переведя

взгляд с него на медведя.

– Старик Хантер знал свое дело, это правда, – отметил из толпы механик, мистер Пичлер. Казалось, тот помогал с мотоциклом, еще когда он принадлежал деду.

– У покойного Харвингса было ружьё, – подхватил другой. – Старуха его из него стреляла в оборотней.

От слова “оборотни” у Нила заходили желваки. Он не боялся зверя. Он боялся того, что дело приобретает серьезные обороты, а он, видимо, первый Охотник, оказавшийся на месте.

– Храни нас господь, – пожилая женщина прямо у плеча Нила перекрестилась.

– Не господь нас схоронит, а воротники, – Нил невольно покосился на сказавшего это мужчину, что затянулся сигаретой и пустил дым носом. – Если они еще не сгнули, конечно.

Нил хлопнул носом и ускользнул. Он пытался не заострять внимание на тотальной растерянности, которая его охватила. Ни строчки из устава, никакого понимания, что нужно предпринять. Нил старался вести себя непринужденно, хотя люди вокруг себя так не обременяли: глаза, распахнутые в ужасе, дым от десятка сигарет, опасливые возгласы.

Ладно, старуха Харвингс. Найти её было несложно: она кричала на кого-то у порога своей пекарни, а потом, громко выругавшись, ударила его палкой по спине. Нил зашагал к ней.

Он облокотился на крыльцо. Пекарша с подозрением уставилась на него.

– Видели оборотней? – чтобы не выглядеть слишком серьезно, Нил ухмыльнулся одной стороной рта.

Старуха оскалилась и сжала палку.

– Тоже пришел надо мной посмеяться? – ядовито спросила она.

– Нет, почему, – Нил поднял ладони в оборонительном жесте. – Любопытство.

Старуха сощурилась. Она изучила Нила с ног до головы, прежде чем поковыляла к нему и, дернув за ворот тренча, наклонила к себе.

– Их было двое. Один огромный, второй поменьше, – зловеще говорила она. – Жрали медведя. Я ружьем деда своего их спугнула. Глазищи у них в темноте горели.

– Каким цветом? – тихо спросил он.

Старуха в растерянности моргнула.

– Красным! – облизала засохшие губы и моргнула еще раз. – Желтым, сынок.

Нил аккуратно достал воротник из крючковых пальцев старухи и положил ладонь на её хрупкое плечо, отстраняясь.

– Берегите себя, миссис Харвингс.

Дело было плохо. Охреть, как плохо. Нил вышел на дорогу. Кровавое пятно бороздами тянулось прямо к медведю. Глубокий вдох. Нил наметил направление, по которому медведь мог выйти из леса, поежился в тренче и пошел по сле-

ду, нервно мыча под нос мелодию. Он воровато оглядывался на толпу, когда сошел на обочину. Шаг за шагом, слегка распрямляя осоку носком ботинка, Нил присматривался к углублениям в земле. Медвежий след, еще один. Нил сощурился и, подпернув на бедрах штаны, присел на корточки, снова опасливо бросив взгляд за спину. Расправил ладонью траву: звериный след, такой же большой, а может и больше, только пальцы длинные.

– Гребаное дерьмо, – заключил Нил.

Он набрал Вербену. Они не общались уже три недели, с тех самых пор, как появился Карл Линд. Нил сначала не придавал этому значения. Вербена стала опаздывать на тренировки, а потом быстро скрывалась в коридорах. Он думал, что подруга подавлена политикой нового главнокомандующего. Она была такая не одна. Нил был готов спорить до крика о правильности его подхода и очень хотел проявить инициативу и смелость, о которой говорил Линд. Но, кажется, один не справлялся.

Вербена взяла трубку, но молчала.

– Ви, кажется, дело серьезное.

– Что еще, Хантер?

– Я у пекарни “Харвингс”. Тут толпа и...вспоротый медведь. Сама знаешь, кто такое барбекю предпочитает, – Нил прикрыл рот ладонью, хотя его и так никто не мог слышать.

– Знаю, о ком ты подумал, но не драматизируй. Кто еще способен убить медведя? Правильно, другой медведь. Или

человек.

– Я, блин, прямо сейчас стою и смотрю на гребаный волчий след размером с мою башку, Ви, – хрипло затараторил Нил, искренне стараясь не повышать громкость.

Некоторое время была тишина.

– Поняла, сообщу Старшим. Оставайся там.

Из-за тревоги в голосе Вербены и обрывистости речи, Нил подумал, что она сейчас положит трубку.

– Подожди-подожди, – она ждала. – Что мне делать?

– Сказала же, оставайся на месте, – холодно ответила она.

– Я имею в виду, что по инструкции?

– Нил, – она вздохнула. – лучше дождись Старших. Постарайся, не знаю, всех успокоить и разогнать. Если получится.

– В инструкции написано “ждать Старших”? – огрызнулся он.

– А ты мне за справочной информацией звонишь? А как же “зачем ты зубришь устав, хороший Охотник импровизирует”?

Нил закатил глаза.

– Так раз вызубрила, скажи мне, что нужно делать, – она молчала. – Ви, твою мать, ты же понимаешь, это настоящее дело, и я оказался тут первым!

– Разгони толпу, Нил. Поищи улики, запомни присутствующих. Импровизируй, – саркастично произнесла она. – Но главное – не привлекай к себе много внимания, хотя я понимаю, для тебя это слишком сложная задача.

Вербена не сразу бросила трубку, словно хотела убедить-ся, что Нилу нечего ответить. Он стиснул зубы от раздраже-ния и чуть ли не рыкнул. Спрятал телефон в кармане, набрал в легкие побольше воздуха, а затем протяжно выдохнул. Все это казалось слишком судьбоносным. В самый подходящий момент появляется труп медведя, который будто лежит здесь для того, чтобы Нил смог достичь тех же высот в Охоте, что и его дед. И он сможет.

Когда Нил вышел обратно на дорогу, на перекрестке пока-зался школьный автобус. Водитель стоял на светофоре долъ-ше обычного. Десятки лиц прилипли к окнам, возбужденно указывая на медведя и толпу. Дело чертовски плохо. Конечно, разгони толпу. Теперь сюда вторая половина города сбе-жится.

Нил узнал её в автобусе. Огромные любопытные глаза и буйные кудри. Мелисса Гаст. Точнее, наверняка у нее была другая фамилия. В мозгу что-то щелкнуло, и взгляд ужесто-чился. Мелисса смотрела на него испуганно, но глаз не отво-дила до тех пор, пока автобус не отъехал достаточно далеко.

Один огромный, другой поменьше. Мамаша и дочурка осваивают новые земли? Все сходится: время, место, коли-чество. Всё. Дичь поселилась прямо под носом у охотника, как неосмотрительно. Нил не удержался и улыбнулся. На ка-кое звание это тянет? Может сразу Старшего дадут? Только нужно помалкивать, призом Нил делиться не намерен. Даже сердце от этих мыслей забилося свободнее.

Нил обернулся на толпу, которая уже явно не раз слышала рассказни старухи и просто хотела узнать, чем все закончится. Что ж, закончится все его талантливой импровизацией.

– Смотрю, они прислушались. Ну я и как выдам первое, что в голову пришло: там парень какой-то копов вызвал, сказал что тут сектанты жертву приносят! – Нил наслаждался вниманием и включил весь свой артистизм.

Сводку с места событий собрались послушать не только ученики. Подземная аудитория потихоньку наполнялась Охотниками. Нил расселся на одной из верхних парт спиной ко входу и рассказывал для своих, но даже Старшие забирались на пару ступеней выше, скрещивали руки и слушали ухмыляясь.

– Даже бабки с дедами булки повтягивали, – он изобразил суетливо бегающий взгляд, а потом кинул что-то мелкое и невидимое, – Ну я под шумок и бросил крестик – чпок – в кровищу! Чтоб я везде так четко попадал, парни, – Нил ухмыльнулся, – Красиво лег и прикиньте что? Вверх тормашками, как Говард из своей мамыши, – вставлять в любой ситуации шутки про Говарда считалось среди них хорошим тоном.

– Да пошел ты! – крикнул тот с соседнего ряда, хотя сам слушал, посмеиваясь.

– Ну я и понял: пора линять, – вернул к себе внимание Нил, обведя взглядом ухмыляющиеся лица своих слушате-

лей. – Сами заметят, натурально выйдет. Не поверите, я только свои булки на байк пристроил...

– Да завались ты уже, Хантер! – раздраженно и громко произнес Джейсон.

Он сидел справа, на последнем ряду. Таращился куда-то в сторону всю историю, надул свои пухлые губы и скрестил руки на груди.

– Какие-то проблемы, лев? – пренебрежительно уточнил Нил.

– Задрал врать, – бросил Джейсон, дернув губой. Черные глаза не смотрели на него.

– Так и было, – хмыкнул Нил. – Крестик перевернулся. Прямо не верится, да?

– Все у тебя всегда переворачивается, попадает точно в цель, оказывается в нужном месте. Тебе бы в казино прописаться.

– Сам себе завидую.

Джейсон так и не взглянул на него, морща широкий нос, потому Нил закатил глаза. Настроения продолжать не было.

– Ну и что, разбежались? – уточнил снизу грубый мужской голос, и Нил обернулся.

Клык бросил на трибуну какие-то бумажки и сунул руки в карманы.

– Да, командир, – серьезно ответил Нил и сполз с парты на скамью.

Командир дружелюбно хмыкнул и громко хлопнул в ла-

доши.

– Прошу вашего внимания, коллеги! – пробасил он на всю аудиторию. – Рассаживайте свои задницы, сейчас начнем.

Внизу Нил заметил Вербену. Она бросила на последние ряды короткий взгляд и устроилась на первом. Нил раздраженно выдохнул, но собрал в охапку вещи и стремительно спустился, топая ботинками. Он телом толкнул её вглубь, усевшись рядом. Вербене ничего не оставалось, кроме как подвинуться. Нил забарабанил пальцами по столу и улыбнулся.

– В связи с актуальными событиями, – громко сказал командир, поглаживая бороду, – сегодня я проведу инструктаж про оборотней. Все должны быть на чеку. Возможно, мы столкнемся с ними в ближайшее время.

Командир Клык, матерый Охотник под шестьдесят, взлохмаченный и небритый, засучил рукава черной водолазки, оголив мускулистые волосатые руки. Они были в шрамах, и складывалось впечатление, что этот белесый узор исполосовал и грудь, и спину, и ноги под кожаными байкерскими штанами. Ему было неуютно в лектории, и, может, было бы проще собраться в тренировочном зале, где привычно пахло потом и железом.

Вербена сидела со строгим видом. К ней было страшно подступить. Длинный нос, сжатые губы. Вербена старалась не подпускать никого справа, со стороны больного глаза. Она тряхнула головой, и короткие волосы загородили от Нила её

лицо.

Он знал, самое страшное, что она с ним сделает – это строго посмотрит. Но это она делала профессионально.

Нил нагнулся к уху Вербены, которая вслушивалась в рассказ о видах оборотней, про которые и так наверняка знала.

– Прости, – прошептал он.

Вербена сделала вид, что прислушивается, слегка оглядывается по сторонам, специально игнорируя Нила, а затем пожала плечами. Эта маленькая пантомима дала зеленый сигнал.

– Прости, что посчитал тебя непригодной для охоты, – она взметнула брови, но упорно наблюдала за Клыком. – Вчера у пекарни, – Нил провел по ежику волос на затылке, – я подумал, блин, может в этих гребаных инструкциях все же что-то полезное написано. Такие заучки, как ты, тоже в критических ситуациях полезны. Так что...ты молодец, Ви.

– Более отвратительных извинений я в своей жизни не слышала, Хантер.

– С меня пиво, – добавил он.

– Так получше, конечно.

Она все же улыбнулась. Нил каждый раз чувствовал себя великим шутником, когда ему удавалось заставить Вербену улыбнуться. Она еще какое-то время не могла вслушаться в лекцию. Наконец-то все закончилось. Эти три недели дались ей непросто. Она поправила очки большим пальцем и украдкой наблюдала, как Нил быстро выводил ручкой маленькие

нервные буквы.

– Ты записываешь? – удивилась Вербена. Обычно Нил так не утруждался.

– Конечно. Это же про оборотней, может пригодиться.

– Стая была обнаружена только в девяносто шестом году командиром Великой Ищейкой. Он руководил операцией, а также принимал в ней участие, – командир Клык незаметно ухмыльнулся Нилу, горделивая улыбка которого вылезла на лицо. – В ходе неё была сожжена и расстреляна вся стая, состоящая из одиннадцати оборотней, включая четырех детей.

Свет в аудитории погас. Проектор вывел на доску кадры документальной съемки. Черноту ночи освещал полыхающий трехэтажный дом. Звук был приглушен, но болезненный вопль горящего чудовища доносился даже до последних парт. В то время как Вербена брезгливо опустила взгляд, Нил с энтузиазмом искал на видео деда в широкополой шляпе, которую тот почти никогда не снимал.

– Обратите внимание, – говорил Клык, всматриваясь в записанные на камеру жестокие воспоминания. – Глаза у некоторых особей горят желтым. Это значит, что оборотень больше себя не контролирует. Он уступил разум зверю. Это делает врага агрессивнее и сильнее, но интеллектуальные способности падают, он становится предсказуемым. Лучший момент для того, чтобы поймать в ловушку. Если она у вас, конечно, есть.

Каждый утопающий во тьме той ночи кадр с VHS кассеты

отзывался глубоким восторгом. Нил впервые наблюдал историю своей семьи. Он хотел бы эту запись к себе домой, чтобы пересматривать триумф всей жизни его деда. Дело, которое могло бы увековечить в истории города их фамилию, если бы она не скрывалась за позывными. Горящая шерсть волка, макушка которого возвышалась над одноэтажной постройкой, завораживала, как и строй Охотников, отражавших его яростные нападения.

Нил сощурился, когда свет вновь заполнил аудиторию. Только подумать, он ведь может также. Двадцать лет спустя Вербена будет рассказывать своим ученикам, как истребила стаю плечом к плечу с Великим...осталось только придумать звучный позывной.

Вербена сидела на подоконнике в комнате Нила, сам он устроился рядом на стуле, откинувшись на спинку и широко расставив ноги в домашних штанах. Они смотрели в окно на мрачный дом семьи Санлайт. Такой оказалась новая фамилия соседей. Не особняк, а самое настоящее пристанище нечисти, как не взгляни. Не хватает только зловещих воронов на крыше. А, нет, сидит один.

– Я уверен, что это они, – сказал Нил.

Вербена подняла очки на лоб и взяла бинокль. В сумерках через залитые светом окна было видно, как соседки ужинают на кухне.

– Нужны доказательства, – заметила Вербена.

– Ну смотри, – Нил лениво дотянулся до стола и стал с поверхности сложенную в несколько раз бумажку. Он небрежно развернул её одной рукой. – “Косвенные: следы от лап, проторенные тропы в глубь леса, зарубки на стволах и на заборе”, – зачитал он записи со вчерашнего инструктажа. – Облазил, даже ветки не сломаны. Голяк. Может, они обращаются в чащу или дома. “Отсутствие питомцев, особенно собак”. Отсутствуют. У меня, кстати, тоже. “Отдаленное жилище с доступом в природную зону”, – Нил иронично зыркнул на Вербену и снова опустил взгляд, – “Спортивное телосложение, повышенный аппетит”, – он снова поднял глаза и взметнул брови, – Короче, по косвенным признакам это я – оборотень.

Вербена положила бинокль и взглянула на Нила. Он уставился на бельмо. Ему редко доводилось его видеть, поэтому сейчас он никак не мог отвести взгляд. Мутная белесая радужка без зрачка, капилляры на белке, розовые веки, как от ожога или экземы, совсем без ресниц. Вербена заметила его интерес и тут же опустила очки на нос, скрыв глаз за тонированной линзой.

– Это все понятно, а что там по аномалиям? – уточнила она.

– Аномалии... – Нил перевернул листок. – “Быстрая реакция, обнаружение запахов с дальнего расстояния, физическая сила, высокая устойчивость к низким температурам”. Ну, – протянул Нил. – Мне в них камнями кидаться? Или

приманить на кусок мяса малышку Санлайт в лес и раздеть? – игриво уточнил Нил, и Вербена недовольно цокнула. – Шучу, конечно. Остаются только прямые доказательства, а тут негусто: зрачок, аконит и серебро.

– Можно попробовать спровоцировать знаками, но важно увидеть их первую реакцию, – предложила Вербена.

– Ой, эти колдовские штучки полная хрень. Они не работают, – отмахнулся Нил.

– Это у тебя они не работают. Потому что ты считаешь их хренью.

Вербена соскочила с подоконника, оперлась на него бедрами и сунула руки в карманы спортивных штанов. Сейчас, когда её торс не облегал форменная водолазка, а скрывало огромное худи, она была похожа на парнишку. Женоподобного парнишку. Густая челка закрывала лоб и уши, а сзади волосы шоколадного цвета едва касались плеч. Нил опустил глаза на список и пытался придумать, как бы ненавязчиво подкинуть Санлайтам под нос букет из ядовитых цветов.

– Значит, ждать полнолуния, – заключила Вербена.

– Зрачок, аконит, серебро, – настойчиво повторил он.

– Хантер, пообещай, что не будешь так пугать девочку. Не говоря уже о том, что ты себя выдашь, а мы не знаем, сколько их всего. Такие доказательства опасно собирать в одиночку. Обязательно нужно поставить в известность Старших.

Нил так закатил глаза, что запрокинул голову к потолку и наклонился на стуле.

– Старшие, Старшие, – спародировал он. – Мы, вообще-то, через полгода тоже будем со званием. Надо привыкать действовать самостоятельно.

– Ты просто хочешь выслужиться перед своим новым ку-миром и не отдавать никому эту зацепку, – претенциозно взметнув бровь, сказала Вербена.

– Нет, – ответил Нил, но сдался под её напористым взглядом. – Да. Ну и что?

Вербена отстранилась от окна.

– Пока ты принимаешь взвешенные и логичные решения – ничего, – она положила ладонь на его плечо, – Хотя подожди, ты вроде так не умеешь.

Нил с улыбкой закатил глаза, и Вербена хлопнула по хребту так, словно хотела, чтобы они выкатились обратно.

Глава 3.

Вербена часто дышала в темноте и тряске. Для надежности схватила рукоять посеребренного кинжала. Все молчали. Фургон остановился, и Сова распахнула двери. Вербена еще недолго сидела, пока другие Охотники один за другим выпрыгивали в неизвестность ночи. Она надела маску, набросила капюшон и вышла вслед за остальными.

Небо чернело, чернели шпили ратуши, чернела огромная куча посередине Алой площади и плащи Охотников, обступивших находку. Слепой глаз зудел, словно в него насыпали песка, а зрячий плоховато выполнял свои функции, даже несмотря на линзу. Шаг за шагом картина проявлялась, и огромная куча сначала стала мохнатой, потом превратилась в тела медведей, и только затем – в безголовые тела медведей. Вербена заткнула нос костяшкой указательного пальца.

– Грузите все в фурунны, пожнвее, – холодным тоном приказал Карл Линд. – Вы, – он небрежно указал рукой в перчатке на Вербену и еще кого-то под маской, – За тряпками, ведрами, отмоете кровь.

Вербена быстро отправилась обратно к машинам. Она невольно оглядывалась на каждую скользнувшую тень. Те, кто сделал это, вполне могут быть поблизости. Здание ратуши с белоснежными колоннами и цветущий сквер еще никогда не выглядели так зловеще.

Вербена вернулась со всем необходимым к месту ритуала. С десятков Охотников, которые оказались в Доме, когда поступил тревожный вызов, уже разбрелись по площади: кто-то обнажил клинки, кто-то вычерчивал защитный круг солью и травами, кто-то двигал к трупам платформенную тележку с трапом. Вербена скорым шагом тащила свои скромные инструменты.

Прямо перед местом ритуала стояли Линд и Сова. Первого Вербена узнала по росту и характерной позе: он все время держал руки за спиной, а Сову по форме ножен для меча дха – оружия Каришмы. Сова фотографировала ритуал. Вспышка, и видно огромные неестественно вывернутые лапы. Вспышка, и влажно блеснули безголовые шеи. Еще вспышка, и колдовские символы испещрили мостовую.

Вербена подошла к краю ритуального круга. Кровь залилась между камнями брусчатки Алой площади.

За углом слышались звуки, и Охотники засуетились. Сова положила руки на ножны, Вербена бросила тряпки и ведро, схватилась за кинжал. Патрульная машина выкралась из-за угла ратуши с выключенными фарами.

– Невозможно нормально работать, когда мешают, – тихо пожаловался Линд в сторону Совы, а потом сказал остальным, – Ретируемся только по приказу!

Линд направился к полицейским, а остальные внимательно наблюдали за ним. Главнокомандующий поднял руки, хотя, вероятно, человек в маске, с холодным оружием и в ка-

пюшоне, идущий от места жертвоприношения не выглядел безобиднее. Тем не менее полицейский вышел из машины, но держал его на мушке. Свет фонарика сделал тень от Линда настолько огромной, что медведи в ней утонули. Начались переговоры. Спустя время фонарик погас, и Алая площадь снова скрыла во мгле Охотников. Патрульная машина уехала.

– Продолжаем! – скомандовал Линд, и Сова опустила меч в ножны.

– Что он им сказал? – аккуратно поинтересовалась у нее Вербена.

– Людям в Миднайт Хилле не нужно много говорить, чтобы они расхотели совать нос в паранормальные дела. Даже полицейским.

Все продолжили заниматься своими делами, а Вербена все стояла перед кровавыми ритуальными символами. Она пыталась прочесть дьявольское послание, но в знакомые слова ничего не складывалось.

– Командир, – снова обратилась она к наблюдающей за обстановкой Сове. – Подскажите, я не могу прочесть руны. Мы такое не изучали?

– Мне они тоже не знакомы, – ответила та.

– В девяностых руны были другие?

– Да. В Охоте всегда так. Только ты заметишь какую-то закономерность и выведешь правило, как все идет не по плану. Но меня больше волнует другое. Как они принесли тру-

пы в центр города не оставив следов?

Сова кивнула в сторону медведей. Несколько Охотников с силой запихивали тушу на платформу.

– Также с помощью погрузочных средств? Или может загноили их живыми? Ведь медведь у пекарни тоже сам вошел в город, гонимый зверем.

– И это очень любопытно, потому что оборотни устраивают ритуалы не для других, а для своих. А тут такие изощрения, чтобы подложить все нам под нос, – сказала Сова, а затем, кивнув на ведро и тряпки, ушла в направлении главнокомандующего.

В ту ночь Вербена не уснула. Она допивала последнюю банку энергетика, сидя утром в атриуме. Крутила в руках крестик. Молилась.

Сверху на винтовой лестнице наконец-то послышались басистые разговоры. Вербена различила знакомый голос с хрипотцой, и на душе стало немного легче. Наверняка Нил непринужденно общался с друзьями, будто в последнюю их встречу они не послали друг друга куда подальше. Иногда казалось, что ругались они чаще, чем спаринговались.

Она вскочила с места заранее, и как только Нил ступил на темно-синюю каменную плитку, схватила его за рукав и без лишних приветствий уволокла из холла.

– Где тебя носит, Хантер?

Твердая походка и нетвердый голос заставили Нила напрячься всем телом. Он обернулся на парней, виновато по-

жал плечами, но они все равно отреагировали раздражением. Вербена чуть ли не толкнула Нила в каменную стену, перегородив рукой путь к отступлению. Она осмотрелась. Закуток за колонной и дверью прятал их от лишних взглядов.

Нил ухмыльнулся. Глаза бегали по лицу Вербены, стараясь прочесть эмоции, которые обычно она выражала крайне скупно.

– Началось, – наконец произнесла она, вскинув на него изумрудный глаз. – Понимаешь?

Нил неуверенно покачал головой.

– Этой ночью была вторая стадия.

– Вторая стадия чего?

– Заселения оборотней, Нил.

На пару секунд он закрыл глаза и покачал головой.

– Откуда знаешь?

Вербена наконец перестала его баррикадировать и, приподняв костяшкой очки, потерла переносицу. Прежде чем ответить, она еще раз выглянула в коридор и убедилась, что он пуст. Затем рассказала все: про вызов в два часа ночи, про обезглавленных медведей, круг и незнакомые руны.

– Мне запретили распространяться среди учеников, но ты... Ты ведь собрался куда-то лезть. Так что не лезь, Нил. Сам знаешь, что на третьей будет. Охота на Охотников. Я просто хочу, чтобы ты ... – её голос смягчился, – был осторожнее. Не смей. Никак. Себя. Выдавать. Никакими проверками, понял? Все серьезно. Это не просто мамаша и дочурка

ка. Тут что-то не так. Пожалуйста, сначала получи звание, а потом можешь помирать.

– Откуда такие мысли? – на лице Нила запечатлелась широкая ухмылка. Расслабленную её версию от тревожной еще надо было отличить.

Вербена сжала губы и заботливо посмотрела на него.

– Я знаю, это дело для тебя много значит. Но твой дед был уже опытным Охотником, когда столкнулся со стаей. У тебя будет другой путь, понял? Пообещай, что в ближайшее полнолуние ты носа своего не высунешь из дома.

– Да брось, – сказал Нил, вспомнив о плане слежки за особняком Санлайт.

– Обещай, – она включила свой настойчивый взгляд.

– Все будет хорошо, – он неуверенно похлопал её по плечу.

Они пришли ко входу в тренировочный зал. Нил спрятал руки в карманах черных штанов. Он весь будто ссутулился и поник от полученной информации. Самое опасное, что можно придумать для Охотников – это разумная сгруппированная нечисть. Заселение стаи оборотней или клана вампиров всегда предвещали множество жертв. В первую очередь среди тех, кто им противостоит. Одиночек выловить проще.

То, что рассказала Вербена, значило, что наступила война. А он будущий солдат на передовой.

Вязкие мысли о том, что он может не дожить до следующего года или похоронить тех, кто сейчас беззаботно выпра-

шивает друг у друга конспекты по ботанике, не давали ни на чем сосредоточиться. Нил невольно держался ближе к Вербене. Он улавливал тревогу в её взгляде и выражал поддержку с помощью ухмылок, не зная, что она с болью запоминала их, будто видела в последний раз.

Нил взял тренировочную фалькату. Оружие еще ни разу не вызывало страх. Он мял пальцами обмотанную кожаным лоскутом рукоять. Нил был одним из лучших в группе по ближнему бою, но поможет ли ему это в реальной схватке?

– Ты че какой-то потерянный, Хантер?

Нил поднял глаза на Джейсона, который уже давно принял боевую стойку. С ним было неудобно драться, приходилось много думать – Джейсон был левшой. Но так даже лучше. Если бы он был его врагом, Нил смог бы выжить?

Пальцы сжались, рука резко повела на рубящий удар, заставив Джейсона от неожиданности отступить на два шага назад. Лязг лезвий наполнял помещение с высокими колоннами. Нил обрушал на Джейсона атакующие удары один за одним, вынуждая его обороняться и отступать.

– Давай, Джейсон! – тяжелое дыхание мешало ему говорить быстро. – Соберись уже!

Но при первой же попытке атаковать, Джейсон лишился равновесия неожиданным маневром Нила в сторону, после чего тому оставалось только толкнуть соперника, повалить на пол и прислонить незаточенное лезвие к шее. Джейсон смотрел сердито, крылья широкого носа раздувались от ча-

стого дыхания. Он был похож на подстреленного хищника. Может не Нилу нужно бояться своих врагов, а им его? Он не зря столько тренировался.

– Показательный бой, – командир Клык наблюдал со скрещенными на груди руками. – Опасный. Лучше быть сдержаннее, чтобы контролировать ситуацию и беречь силы. Зато ты преподал хороший урок Джейсону – не ведись на провокации соперника. Холодный разум, – он постучал пальцем по виску.

Нил предплечьем вытер со лба проступивший пот и подал руку Джейсону. Не сразу, но тот взялся за ладонь, и дикость в черных глазах погасла. Клык задержал взгляд на Ниле.

– Достойный уровень, Хантер.

Всего три слова, но большего пожелать было и нельзя. Нил как-то бестолково улыбнулся и кивнул, все еще пытаясь отдышаться.

Клык, небрежно почесав бороду, пошел в сторону других учеников. Нил посмотрел на Джейсона и проследил за его взглядом: Вербена. Она достойно держала бой, правда скорее за счет маневренности. Её движения напоминали танец, мышцы играли под облегающей одеждой. Оба юноши замерли, наблюдая за ней. Нил беспокойно нахмурился. Сможет ли она выстоять в настоящем бою? Оппонент атаковал её справа, там, где не видел слепой глаз, и Вербена приняла удар тупым лезвием по ребрам. Нил всегда это знал: сколько бы она не тренировалась, как бы не закаляла тело, она была

уязвимой. Ей не место здесь. Кто-то будет скорбеть по ней, кроме него? Как он это переживет?

– Вы спите?

Нил вынырнул из тревожных размышлений. Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы осознать вопрос. Нил ухмыльнулся, опустив взгляд на Джейсона. Тот все еще смотрел вперед.

– С кем? С Вербеной что ли?

– Нет, с Говардом, – недовольно отозвался тот. – Конечно, мать твою, с Вербеной.

Нил скрестил руки на груди, с нескрываемым удовольствием рассматривая Джейсона. Он дождался, пока тот поднимет на него взгляд. На смуглой коже румянец почти не читался, но по глазам, которые тут же сметливо отскочили от ехидной улыбки Нила, стало и так все понятно.

– Откуда мне знать, может ты любитель “говардов”, – Нил комично поднял брови.

– Да пошел ты, – закатив глаза, махнул рукой Джейсон.

– Мы лучшие друзья. Не больше и не меньше.

– Понятно, – бросил Джейсон, подняв с пола фалькату, и встал напротив Нила. – Продолжим.

Но зал оглушила сирена. Улыбка тут же исчезла с лица Нила. Все, началось. Он не готов. Не готов. Пальцы до боли сжали рукоять. Вербена в ужасе смотрела на него из середины зала.

В городе по инициативе Карла Линда был объявлен комендантский час. Черные маски стали официальным пропуском в ночной Миднайт Хилл, где Охотники могли делать все, что угодно, без контроля полиции.

– Ситуация чрезвычайная, это понятно? – говорил главнокомандующий с вершины трибуны, окруженный командирами. Он скрестил руки за спиной. – Оборотни – не безмозглые спаниели. Они ищут вас. К сожалению или к счастью, для Миднайт Хилла это не впервой. Так что рассчитываю на ваш профессионализм, господа Старшие Охотники. Ученики будут привлечены к операции. Большинство погибнет при первой же стычке с врагом. Так что рекомендую вам провести выходные с близкими, – лицо Линда не дрогнуло даже от таких слов. – Зато те, кто переживут грядущие события, вероятно прослужат Дому долгую и ценную службу.

Маме Нил ничего не сказал. И выходные с ней не провел, а тренировался, потому что его назначили в ночной патруль с группой командира Клыка. Настоящий убийца, закаленный в схватках, с которым считалась Каришма. Напарник его деда. Судьба просто не могла предоставить шанс лучше.

На время патруля выдавали маску, которая ученикам не полагалась ввиду отсутствия охотничьих полномочий, а также фонарик, посеребренный кинжал и арбалет. Этот набор Нил раскладывал за пазуху, как ценные документы, не забыв повертеть все в руках и попробовать на вес и баланс.

Нил рассматривал охотничий фонарик, длинный и тяже-

лый, и сразу же потянулся к маленькому рычажку, выпускающему серебряную иглу. Кончиком пальца он коснулся её и, не почувствовав боли, заметил набухающую каплю крови.

Клык посмеялся одними глазами. Мозолистые пальцы привычно загоняли в пазы на поясе болты с серебряными наконечниками. Командир ощущался еще внушительнее: зал для тренировок был фальшивым полем боя, а сейчас они собираются на настоящее.

– Первый раз держишь в руках охотничий фонарь? – обратился к нему Клык.

– Да, командир, не приходилось прежде.

– Какая халатность, – заметил Клык, застегивая на широкой груди кобуру. – Надо сказать Карлу, чтобы фонарик в руке учеников стал привычнее, чем собственный член.

Другие Охотники в группе засмеялись, и Нил решил, что ему тоже можно. Клык по-свойски улыбался. Боевая фальката шелкнула, упав в ножны на его пояс.

– Досмотр – твоя задача, Хантер. Так что с фонариком еще наиграешься.

– А если замечу нужную форму зрачка? – Нил спрятал фонарь в глубоком внутреннем кармане.

– Она не “нужная”. Не дай Всевышнее, ты её заметишь. А если все-таки мелькнет, моргни светом раз, и тебе останется только уйти с линии огня.

– В инструкции сказано, я должен вступить в бой, – заметил Нил.

– А я, командир твоей группы, говорю, что в бой тебе вступать запрещено. Запомнил?

Клык за одну фразу растерял все беззаботные ухмылки, уставившись на Нила из-под нахмуренных густых бровей.

– Так точно, – неуверенно спрятав кинжал, ответил Нил.

Тонкий месяц резал черное небо. Нил накинул капюшон, когда прямо на кончик носа упала капля дождя. Они передвигались почти не слышно, выбирая для маршрута узкие переулки, темные дворы и скверы. Нил шел слегка позади.

– Только дождя не хватало, – недовольно прохрипел Клык, набросив на волосы с сединой капюшон. – Хантер, гляди, – Нил ускорил шаг и поравнялся с идущим впереди командиром, – Вот и наша первая алкашня. Расчехляй фонарик.

Нил с готовностью полез во внутренний карман куртки: сначала за маской, потом за фонарем. Под недовольное ворчание Клыка о том, что им придется развозить маргиналов по домам и вытрезвителям вместо полиции, четверо Охотников направились к компании, облепившей парковую лавочку напротив трехэтажного многоквартирного дома. Из окон тянулся аромат жареного мяса, а вот от компании вполне отчетливо слышался спирт.

Их группа из четырех человек в черной одежде и масках явно произвела впечатление на выпивающую компанию. Нил неуверенно выступил вперед, сжимая в руке фонарик. Сзади послышался густой голос Клыка:

– Господа, про комендантский час не слышали?

– Да мы ж вот, напротив дома, – махнул рукой один, пока другие опасливо повтягивали головы, отодвигаясь на лавочке от жутких гостей.

– Вот и пошли бы в дом, – Клык поравнялся с Нилом и кивнул в сторону компании, призывая его начать осмотр. – Думаете, правительство бесполезными вещами занимается? Нет, дорогие, так бывает, конечно, но не в этот раз. – Нил подошел к лавочке, отчего люди попятились в разные стороны, вглядываясь в глаза за прорезями маски. – Небольшой осмотр все же придется пройти.

Нил расправил плечи и уверенно шагнул вперед. Они боялись его, как стадо овец, увидевшее волка. На эти ощущения можно было серьезно подсесть.

– Вы кто такие вообще? – возмутился рослый мужчина. Он вскочил прямо перед Нилом, преградив дорогу, оттого тот инстинктивно схватил его за предплечье и заломил.

– Всем оставаться на местах! – пробасил Клык в сторону шарахнувшихся горожан.

Нил удерживал мужчину, но тот уже не сопротивлялся, только боязно уставился в прорези маски. Можно ли узнать по одним глазам? По голосу? Нил посветил ему в лицо. Мужчина резко зажмурился и искривился. Нил с силой разжал ему веки. Зрачок сузился, как полагается, тогда он отпустил мужчину, и тот в ужасе рухнул на колени и пополз в сторону.

– Вот видите, ничего страшного, – продолжил Клык. –

Окулисты мы. Зрение проверяем. Ты можешь быть свободен. Следующий?

После того, как все с опаской прошли осмотр, Клык доступно объяснил, что во время комендантского часа выходить из дома нельзя. Даже полиции. И что все произошедшее здесь запрещено к разглашению. Нил подумал, что их маски и внушительный вид делали его речь кратно красноречивей.

После первого досмотра Охотники стали разговорчивее. Нил поспевал за старшими коллегами, вслушиваясь в их слова.

– Каришма никогда не позволяла действовать так открыто, – говорил Старший Охотник Горностай, приземистый мужчина лет сорока с ежиком светлых волос. – Как Линд вообще собирается разгрести все то, что мы наследили за время этих патрулей?

– Особенно когда важнее всего соблюдать конфиденциальность, – отозвался Стиллет. Он казался Нилу самой простой целью для налаживания контакта: молодой и вальяжный. Стиллет убрал темные волосы за уши и достал сигарету. Под его ладонью чиркнуло пламя зажигалки.

– Он их запугивает, – сказал Клык, – Раньше как было – каждый сам за себя, кто где. Как сейчас молодежь говорит? Фриланс? – он хмыкнул. – А теперь Линд взялся за дело, мы организованы и связаны с правительством. Хочет, чтобы волки знали.

– Только вот вместе с волками об этом узнают горожане.

Не вижу ничего хорошего, – сказал Горноста́й.

– Только незаконопослушные горожане, которые шлѣют-ся по ночам. Ненадежный источник, – заметил Клык.

– Нужно было все же притворяться госполицией. Мол, так и так, вот удостоверение, встаньте раком для досмотра, – хотнул Стилѣт, выпустив клуб дыма.

По пустынной аллее прокатился ком басистого смѣха.

– Мордой своей светить хочѣшь? А если узнают? Много ты понимаѣшь, – бросил Горноста́й, махнув ладонью, на которой Нил не досчитался двух пальцев.

– А расскажите вообще про Линда, – аккуратно произнес Нил.

Все вдруг обернулись, будто только вспомнили про его существование.

– А что ты хочѣшь знать, малой? – уточнил Горноста́й, взглянув снизу вверх на широкоплече́го Нила.

– Да хоть что-то. А то мы с парнями даже в существование четвертого командира не верили, – пожал плечами Нил.

– Не удивительно, – отозвался Стилѣт, затянувшись сигаретой, – Линд у нас не местный, сотрудник на выезде. Потому то и умудрился переубивать целую орду по стране. В одиночку. Профи, аж дух захватывает.

– А почему у него нет позывного?

Охотники переглянулись между собой, но в основном все выжидающе смотрели на Клыка.

– Знаѣшь, что раньше нас звали “воротниками”? – Клык

с лукавым прищуром заглянул Нилу в глаза.

– Да откуда ему знать, еще молоко мамкино вон на губах, – дружески подтрунил Горноста́й.

– Знаю, командир, – ответил Нил. – Старики до сих пор так говорят.

– То-то и оно. А почему, знаешь?

– Из-за нашей формы, вероятно. Из-за водолазок.

Клык ухмыльнулся. Они остановились посреди пустынной аллеи под уличным фонарем.

– Это верно, но откуда форма такая пошла, а? – командир небрежным жестом махнул к себе и опустил воротник, задрав бородатый подбородок. Нил наклонился и увидел, что всё было в шрамах, но не случайных: символы обвивали крепкую шею, как ошейник. Это была латынь. – Видишь?

Нил кивнул. Клык поправил одежду и накинул капюшон.

– Такое было посвящение в Охотники. Наживую резали.

– У вас тоже такие есть? – удивился Нил, взглянув в сторону Горноста́я и Стилета. Первый кивнул, а второй облегченно отмахнулся.

– Это от вампиров делали, – Клык погладил бороду с проседью. – Укусить не могли в самое уязвимое место. Как последнюю суку выловили, так и перестали делать “воротники”. Вас теперь на посвящении в лобик целуют и кличку дают, а у нас не каждый в сознании оставался, – грубая рука Клыка хлопнула Нила по спине.

– Так вот Линд посвящение не проходил, – сказал Горно-

стай. – И кличку ему не выдали.

– Почему?

– А это уже дело не наше, – как-то сурово заметил Клык.

На этот раз в центре внимания среди учеников оказался Джейсон. Его взяли в патруль под руководством главнокомандующего, и в первую же ночь они выловили оборотня.

– Он не сопротивлялся, – с уверенным видом сказал Джейсон, хлебнув пива из банки. Он прокрутил на запястье серебряный браслет. Закатанные рукава обнажили его татуировку: этнические геометрические узоры обвивали все предплечье и спускались к среднему пальцу. – Молча вышел из бара и сел в машину. Но шороху навели, конечно. Пришлось заставить всех подписывать бумагу о неразглашении.

– И что с ним теперь?

– Посадили в виварий, – ответил Джейсон. – Хотят вытрясти что-то про стаю и ритуал.

– Пытают? – уточнила Вербена. Джейсон долго смотрел на нее, прежде чем неоднозначно пожать широкими плечами. Она опустила голову и тоже отпила свое пиво.

– Скоро уже виварий зачистят? – поинтересовался Нил.

Он сидел с краю, закинув ступню на колено. Его раздражало все в рассказе Джейсона. Если и дальше так пойдет, то дело может быть в скором времени закрыто и пройдет мимо него, внука Великой Ищейки. Это Нил еще везунчик?

– Кажется, дают исследователям закончить какие-то... ис-

следования, – отозвался Джейсон.

Глава 4.

Нил наслаждался патрулями. Несмотря на то, что первые дни они и правда только разгоняли по домам неверующих в комендантский час, подростков и пьяниц, а со второй недели и вовсе бестолково таскались по улицам, единение со старшими будто придавало статусности ему самому. Нил ощущал себя по-настоящему на своем месте. Угроза стаи уже не казалась ужасной войной. Это больше было похоже на уголовное расследование.

Горностай и Стилет застали волчью охоту в девяностые. Стилет был учеником, а Горностай уже выслуживался на Старшего, потому они с ностальгией пересказывали молодому коллеге, что им пришлось пережить. Они учили Нила обращаться с фалькатой, отчего Клык шутливо возмущался, что обучает этому на занятиях. Рассказали ему миллион баек: как Горностая принимали за вампира, как сбили на машине банши и ловили маньяка-шейпшифтера, да так заодно, что Нил понял – он доволен выбором профессии. В рассказах мелькали и позывные. Когда прозвучало имя Великой Ищейки, Нил не удержался от расспросов.

– Сколько вопросов, малой! – заметил Горностай, махнув трехпалой рукой.

– Так он же его внук, – хрипло посмеялся Клык, и сердце Нила подскочило от того, как бурно отреагировали Гор-

ностай и Стилет.

– Да гонишь ты, командир.

– Да какой! Вон шнобель у него один в один как у Ищейки, – Клык махнул рукой на лицо Нила.

Никогда еще не было так приятно, когда говорили про его нос.

– А ведь его за этуносяру и прозвали Ищейкой, – вспомнил Горностай. – Я слышал, в ученичестве его вообще все Нюхачом звали, но для позывного как-то неблагородно. Отличный был Охотник, но как же от него несло этими папиросами!

– Уверен, Нил тоже далеко пойдет, – по-доброму ухмыльнувшись, отметил Клык. – Охотничья кровь даст о себе знать.

Настало двадцать четвертое мая, дата полнолуния. Ночь, в которую оборотни должны вылезти из норки и завершить свой жестокий ритуал – принести в жертву волчьему богу Фенриру обезглавленные тела Охотников. Ночь, в которую они вынуждены принять бой, чтобы быстро и эффективно вычислить всю стаю.

Все боялись умереть. Нил тоже боялся за всех, за Вербену, но почему-то не за себя. Казалось, если уж Клык пророчит ему успешную карьеру, то никуда не деться – надо соответствовать.

Но спалось все равно плохо. Нил не запомнил, что сни-

лось, но вероятно, он уже несколько раз пережил грядущее полнолуние.

Он стоял перед зеркалом у себя дома. Выходить было рано, но Нил не мог думать ни о чем другом. Он провел по только что выбритой челюсти, задержал взгляд на пальцах с мозолями от тренировок. Взярошил волосы, чтобы они стояли. Поразглядывал бицепс и плечи. В голове родилась странная идея отжаться десять раз. Если он сделает это достаточно быстро, то патруль пройдет успешно. Нил уже засушил рукава, но увидел маму. Она молчала. Лицо у нее было мрачное, будто Нил не просто умер, а еще и восстал. Он ничего не хотел ей сказать. Набросил тренч и вышел из дома.

Напротив возвышался особняк Санлайтов. Завтра у него снова не будет соседей. Наконец-то. Можно будет включать в доме свет и вылезать по ночам из дома без опаски.

– Сегодня патруль без учеников, – отрезал Клык, когда Нил появился в зале.

Горностаи и Стилети нагужали набедренные сумки внушительным числом припасов. Они лишь отрывисто махнули в знак приветствия. Клык снаряжал колчан серебряными болтами.

– Не понял, – Нил растерянно заморгал. – Почему? Мы же готовились.

– Приказ главнокомандующего.

– Командир...

– Пошел вон, – от такой внезапной грубости Нил распах-

нул глаза. Клык поднял на него уставший взгляд. — Я сказал, без учеников. Так что домой, Хантер.

Горностай лишь пожал плечами. Нил окинул всех взглядом и заметил лишний комплект снаряжения.

— Командир, если вы думаете, что я не готов... — настаивал он.

— Тебя вышвырнуть или как? — Клык ударил ладонью по столу и хищно уставился на Нила.

Нил опустил руки в карманы тренча. С минуту наблюдал, как Горностай и Стиллет продолжают собирать снаряжение, а Клык наблюдает за ним исподлобья. И вышел, хлопнув дверью.

С такой же громкостью хлопнула входная дверь его дома. Нил дергаными движениями снял тренч и бросил его в сторону вешалки. Из-за угла показалась мама.

— Что случилось?

— Патруль без учеников, — раздраженно отчеканил он.

— Какое счастье.

Нил закатил глаза и стянул ботинки. Он прошел на кухню, к холодильнику, игнорируя ступающую за ним по пятам маму. Обведенное красным двадцать четвертое мая на календаре теперь только разъярило. Свет озарил кухню, рука потянулась к банкам пива на верхней полке, куда мама с трудом доставала.

— Может не надо? — протянула она.

— Хватит, — отрезал Нил.

– Что хватит?

– Перестань говорить эти свои материнские фразочки, окей? Хватит надо мной трястись, как над каким-то долбаным щенком. Я похож на щенка?

Нил усталился на хрупкую маму со своего почти двухметрового роста. Широким движением он подвинул её с пути и направился к лестнице.

– По-твоему, я должна закрывать глаза на то, что ты рискуешь жизнью? – воскликнула она ему в спину.

– Делай, что хочешь, просто меня не пытайся переубедить. Рисковать жизнью – мой выбор, ясно?

– Да почему же ты его делаешь, этот выбор? – голос стал громче и надрывистее, – Хочешь меня одну оставить? Как твой дед и отец?

Нил только раздраженно покачал головой, забравшись на второй этаж. Не включая свет в своей комнате, он рухнул в кресло. Одну банку поставил на пол рядом, а другую привычно открыл, выпустив приятное шипение. Нил отхлебнул, достал с ремня рацию и поставил ее на стол.

Бред. Неужели главнокомандующий не считает учеников полезными даже в такой важный день? Нил знал, что готов. Ему необязательно быть в патруле. Он и так знает, где прячутся его враги. Нил подошел к окну. На втором этаже дома Санлайтов горел свет, соседка ходила по комнате, уставившись в телефон. Совсем девчонка. Но внешность бывает очень обманчива.

Она зацепила футболку и потянула её вверх. Нил на мгновение отвел взгляд, но потом снова нашел в окне стройный силуэт и сделал еще глоток. Спустя минуту свет в её комнате погас. Если главнокомандующий Линд думает, что Нил бесполезен, он докажет ему обратное. Инициатива и преданность долгу, ведь так?

Полная луна уже вошла на небо. Нил натянул свитер, повесил на пояс ножны со старым дедовским кинжалом и захватил ручной арбалет с орнаментальной гравировкой. Точно пригодится.

Нил уже хотел хлопнуть дверью, когда рация разразилась помехами, сквозь которые он узнал голос Клыка.

“...помощь...Срочно!...Хантер!”

Он замер всего на мгновение, а потом метнулся к рации.
– Командир, повторите, прием!

Сигнал не повторялся. Нил глубоко дышал, собираясь с мыслями. Кажется, началось.

Он бегом спустился по лестнице, перелетая через ступеньки, и отправился к двери в гараж. Нил запрыгнул в седло, не успев освободить коляску от инструментов, накрытых брезентом. Железная дверь открывалась целую вечность, поэтому мотоцикл вырвался на улицу, едва нагнувшийся к рулю Нил смог под ней проехать.

Звериный рев мотора отразился от стены сосновых стволов. Нил знал, что сегодня группа Клыка должна занимать точку в лесу, возле заброшенной церкви, потому повернул

направо, подальше от города.

Сердце бешено колотилось. Никакой другой патруль не ответил на его сигнал. Помехи были такими серьезными, что, по-правде говоря, Нил был не уверен, что его хоть кто-то услышал. Теперь рация безутешно молчала на поясе.

Мотоцикл свернул на проезжую дорогу, от влажной земли его слегка повело. Нил отчаянно давил на газ, преодолевая ухабы и уклоняясь от норовящих ткнуть в лицо веток. Казалось, белые, поросшие мхом стены церкви уже маячат среди стволов. Дорога оборвалась на лесной опушке. Нил соскочил с мотоцикла, не заглушив двигатель, под толстой подошвой хрустнули ветки. Он побежал к открытой местности, которую луна освещала словно прожектор. Одна рука сжимала арбалет, другая лежала на эфесе кинжала. Глаза панически бегали в поисках Охотников. Может, он ошибся с местом патруля?

Тело парализовало, когда Нил понял, что не ошибся. На опушке безжизненно лежали люди в черной одежде и капюшонах. Некоторые конечности были оторваны и сложены в линии, составляя из трех тел осмысленный символ, напоминавший руну.

Губы задрожали, а колени подкосились. Нил узнал в центре Клыка и бросился к нему. Его ноги ниже колен отсутствовали. Нил упал на землю рядом с ним. Глаза Клыка смотрели на него осознанно.

– Командир! – голос сорвался.

Нил стал отрывать от одежды ткань, чтобы наложить жгуты на бедра. Земля у коленей, прикрытых оборванными штанами, влажно блестела в свете луны. Глаза бегали по округе в поиске врагов. Только стволы, кусты и стены церкви. И тела его товарищей.

Клык моргал. Его губы дрожали, выдавая обрывистое дыхание. Нил вытирал редкие набухшие от стресса слезы и пот, чтобы они не мешали ему накладывать жгут. Прямо над головой Клыка лежала рука, на которой не хватало двух пальцев.

Нил подхватил тело Клыка подмышки и взвалил его на плечо. Хриплое дыхание у уха наконец сформировалось в различимое слово “беги”. И Нил побежал к мотоциклу.

Взгляд скользнул по изувеченным телам Горностая и Стилета. Горло резало от страха и накатившей тошноты. Между стволов недалеко от мотоцикла Нил заметил движение. Он замер и сжал тяжелое тело командира крепче. Сощурился, пытаясь понять, не деревья или кусты заставили его в ужасе замереть на месте. Но существо во тьме двинулось вместе с ветками над его головой. Это был не волк.

Нил побежал прямо к мотоциклу, не отрывая взгляда от наваждения. Он резкими движениями выбросил все из коляски и погрузил в него Клыка. Сердце норовило сломать грудную клетку. Худой рогатый силуэт замер, словно наблюдая. Нил наставил арбалет на очертания человеческой головы и всего спустя мгновение нажал на спусковой крючок.

Тварь юрко прыгнула и затерялась меж стволов.

Пальцы до боли сжимали арбалет. Нил думал, что сейчас задохнется от страха, хотя по поляне гулял свежий ветер. Он напрягался всем телом, выцеливая существо, в существовании которого уже успел усомниться, а затем запрыгнул на мотоцикл.

Нил опустил взгляд на Клыка. Глаза были распахнуты, но зрачки не двинулись. Нил протянул к его шее дрожащие пальцы. Они не нащупали пульса. Он опустил веки, дернул торчавший брезент и прикрыл им тело командира. Затем ударил по газам. Мотоцикл рванул, унося Нила из проклятого места.

Теперь ему был знаком второй запах смерти: железо и хвоя.

Итогом полнолуния стали три истребленных группы. Ни один свидетель не выжил. Среди погибших были ученики. Главнокомандующий не давал приказа отправить их домой.

Вербена положила ладонь Нилу на плечо, словно проверяя, не стоит ли рядом с ней призрак. Теперь она была уверена, если Всевышнее сохранило ему жизнь, значит его ждут великие дела. Случайная смерть Нилу не грозит. Она хотела выразить всю заботу и радость оттого, что он, её лучший и единственный друг, жив, через это неловкое, но твердое движение рукой.

Эти похороны были другими. Впервые Нил прятал под

черной маской градины слез. Сложенные пальцы взметнулись к сводчатому потолку. Сердце, разум – Всевышнему!

– Давай напьемся сегодня так, чтобы ноги отказали? А, Ви? – прохрипел Нил из-под капюшона.

– Давай.

Было только два гроба, закрытых. Остальные Охотники хоронились в кругу семьи. Тем лучше. Видеть мертвого Клыка Нил больше никогда не хотел. Его и так рвало от осознания, что в заколоченном ящике, что несут к алтарю, лежит безрукое тело Горностая. Возможно, он был еще жив, когда Нил уезжал.

Из новостных сводок Нил узнал настоящие имена своих коллег. У Клыка осталась жена, а его дочь со своей семьей жила в Нью-Дарши. Горностай после развода жил один, снимал маленькую квартиру над хостелом. У него осталась шестнадцатилетняя дочь. И два французских бульдога, которых забрали соседи. Стилет женился полгода назад.

Нил должен был быть среди них. Его тело должно было стать частью ритуальной композиции.

– Это же не руна Фенрира была, да? – уточнила Вербена, наклонившись над столиком.

Нил залпом выпил шот и, сощурившись, покачал головой. На самом деле он плохо запомнил символ. Детали той ночи отпечатались в памяти плотно, будто он видел все прямо сейчас, но вот складываться в цельную картину фрагменты не желали.

– Послушай, – Нил тоже наклонился к Вербене, хотя музыка в баре играла громко, а за соседним столом компания безудержно хохотала, – бывают оборотни-олени?

Вербена свела брови и покачала головой. Нил откинулся на стуле и схватил пальцами еще одну рюмку.

– Я видел какую-то рогатую тварь.

– Это был какой-то необычный олень? Большой? Может, горбатый?

– Это был рогатый человек. Он убежал после того, как я выстрелил.

– Уверен?

Нил пожал плечами. От шока ему могло померещиться все, что угодно. Охотники не нашли следов вокруг ритуальных мест: ни волчьих, ни человеческих. Впрочем, погода не располагала. Они осушили по шоту не чокаясь.

– Мне это все очень не нравится, Нил. Что-то не так, – сказала Вербена. Вероятно, она смотрела ему в глаза, но из-за темных линз нельзя было сказать наверняка. Вербена считала, что очки привлекают меньше внимания, чем слепой глаз. – Нутром чую.

– Сейчас я хочу нутром чують только тошноту, – заявил Нил, рассматривая цветную жидкость в последней рюмке. В груди кольнуло и натянулось. – И ничего больше.

Нил думал, что хуже уже не будет. Звук подъезжающей к соседнему дому машины вызвал привычное раздражение,

и он зарылся под одеяло. Выглянув из-под него одним глазом, он заметил, что на часах только полдень. Санлайты не возвращаются так рано. Дверной звонок ударил по вискам. Звонили все настойчивее, и Нил, зарывав, накрыл голову подушкой. Господь милосердный, пусть мама пободрее добежит до двери.

Она точно была дома. Мама всегда была дома. Нил в недоумении сел на кровати, собираясь с мыслями. Дверной звонок сменился шумом возмущенных голосов. Голова трещала от вчерашней попойки с Вербеной. Шаркая ступнями, Нил вышел из комнаты и прислушался к голосам.

– Позвольте нам осмотреть дом, мэм, – просил незнакомый мужской голос.

– Я же говорю, никого нет, я одна.

– Я уверен, что наверху открылась дверь.

Нил не мог придумать ни одной версии, кто это может быть, а потому перегнулся через перила второго этажа и заглянул в гостиную. Внизу стояли мужчины в полицейской форме.

– Мистер Нил Хантер? – спросил один из них, задрав голову. Тот неуверенно кивнул. – Я капитан полиции Джонсон. Не могли бы вы спуститься?

Нил, потирая звенящие виски, неспешно направился к лестнице. Полицейские следили за каждым его шагом.

– Скажите, что вы делали ночью с двадцать четвертого на двадцать пятое мая?

Нил оскалился в недружелюбной ухмылке и посмотрел на потолок.

– Вы меня в массовом убийстве подозреваете? – хмыкнул он. Полицейские переглянулись. – Я был дома.

– Кто-то кроме вашей матери может это подтвердить?

– Нет.

– Кто видел вас последним перед тем, как вы вернулись домой?

Хищный взгляд зеленых глаз опустился на допрашивающего. Его видели те, чьи тела потом выложили в кровавую мозаику. В месте, о существовании которого полицейские не знают.

– Причем тут я вообще? – агрессивно выдал Нил. – Какие-то улики есть? Если нет, то проваливайте.

Полицейские снова переглянулись. Капитан Джонсон отстегнул с ремня наручники.

– Есть. Мистер Хантер, вы арестованы по подозрению в убийстве. Вы будете находиться под стражей до выяснения обстоятельств.

Нил смеялся, пока капитан Джонсон застегивал наручники за его спиной.

– Да вы издеваетесь...

– Он был дома, – безэмоционально повторила мама. Она замерла, как кукла, рядом с полицейскими, выпучив пустые глаза. Мышцы на её лице едва заметно дергались.

– Мам, – позвал Нил, но она смотрела в одну точку. –

Мам! – громко привлек он её внимание, – Успокойся, ладно? Все будет хорошо, – он послушно отправился вперед капитана, подталкиваемый его грубой рукой, и обратился к нему. – А можно я захвачу пива из холодильника? А то башка трещит, убить готов за баночку.

Нил с усмешкой оглянулся. Полицейские смотрели на него серьезно. Шутку никто не оценил. Мама осталась парализованно стоять в гостиной.

– Что с ней? – поинтересовался капитан Джонсон.

– Такое бывает, она скоро отойдет, – пояснил Нил, вздохнув и нырнув в полицейскую машину.

Серые стены и холодный свет от люстры. Жаль, что на столе нет лампы, чтобы светить ему в лицо, а то ненастоящий какой-то допрос.

– Что он делал ночью в лесу? – спросил капитан Джонсон, сидящий за столом напротив.

– Ночных птичек фотографировал. Хобби такое было у человека, – Нил нагнулся к диктофону и пробасил. – Фотоохота.

– В комендантский час?

– Старость – не радость, маразм – не оргазм, капитан, – ответил Нил, откинувшись на спинку.

В дверь постучали. Капитан Джонсон кивнул и вышел из комнаты для допросов, оставив Нила наедине с собой.

Сначала Нил все отрицал. Потом сказали, что кто-то ви-

дел его с телом. Пришлось переобуваться на лету и вот уже версия, которую он придумал, пока ехал в полицейской машине, рушилась с каждым вопросом. Наверно, нужно было попросить адвоката, но Нил растерялся. В охотничьем уставе не было правил для допросов в полиции. А еще вчера он охренеть как напился.

Время тянулось, как вязкая смердящая слизь. Охотники вытащат его. Или решат оставить здесь, чтобы замести следы. Он всего лишь ученик без звания. Небольшая потеря, чтобы закрыть такую брешь.

Но как на него вышли полицейские? Никто не мог видеть его на месте ритуала, кроме... рогатой сволочи.

– Хантер, на выход!

Нил сощурился, хмыкнул и с трудом поднялся из-за стола. Спина затекла. Поведут в камеру, наверно. В дверях стоял другой полицейский. Он стал снимать наручники, и Нил удивленно взметнул брови.

– Ух ты, – не удержался он, разминая освобожденные запястья. – Спасибо, что ли.

– Спасибо бабуле своей скажешь, – грубо ответил полицейский и толкнул в сторону выхода.

– Бабуле?

Мужчина вывел Нила в холл. Там его ждала пожилая женщина. Ухоженная, в брючном костюме, волосы собраны в высокий хвост, макияж, кожаная сумка. Она была совсем не такой грозной, как обычно, поэтому Нил ошарашенно замор-

гал, наблюдая, как она встает со стула и подходит к нему.

– Спасибо, – она улыбнулась полицейскому и подхватила Нила под локоть.

Они пересекали холл. “Бабуля” пахла до дури знакомым запахом полыни. Нил нагнулся.

– Командир Сова...

– Замолчи.

Только когда они оказались на улице вдалеке от полицейского участка, она отпустила его руку и глубоко вздохнула. С этим вздохом она словно сбросила всю свежесть и снова стала выглядеть уставшей и отягощенной скорбью по главнокомандующей.

– Ты смелый мальчик, – сказала она. – Тебе не место в тюрьме.

Она осматривала его беспокойным внимательным взглядом, словно найденного в подворотне щенка, с которым надо было теперь что-то делать.

– Клык предчувствовал что-то, да? – спросила она.

Нил нахмурился. Нутро снова заняло от воспоминаний. Он смог лишь пожать плечами и спрятать руки в карманы.

– Кто-то видел, как ты его вез. Дом все уладит. Не волнуйся.

– Спасибо, командир.

Они изучали друг друга уставшими глазами в неловком молчании. Нил всегда недолюбливал Сову. Из-за близости с Каришмой, из-за покрывания её демонической личины. От-

кровенно говоря, Нил не уважал Сову как Охотника. Но сейчас он был по меньшей мере искренне ей благодарен.

– Я знаю его адрес. Жена очень любила его, – Сова, словно устав задирать голову, чтобы смотреть на высокого Нила, отвела взгляд куда-то в глубину сквера. – Ты хотел бы сходиться со мной, оставить на пороге цветов?

Нил сжал губы и глубоко вздохнул. Он кивнул. Теперь он уважал Сову хотя бы как человека.

Глава 5.

В ветках кряжистого клена, за которым Нил прятался, чирикали птички. На удивление даже утренние тучи проползли мимо города, и теперь вечерело мягко и спокойно. Когда зажглись разноцветные гирлянды, Нил почти забыл, что на задании. Он кивал головой под знакомые песни, под которые танцевали школьники.

В голову лезли разные мысли. После смерти Клыка Нилу вообще было сложно избавиться от навязчивого колющего бубнежа в собственной голове. Может, на самом деле он умер в полнолуние, а сейчас наблюдает предсмертные фантазии своего мозга? Вот и школьные времена вздыбились откуда-то из-под корки.

– Первый раз жалею, что не был на выпускном, – произнес Нил. Хоть перед глазами и был чужой праздник жизни, молчать и вязнуть в своих мыслях несколько часов было нелегко. А рядом, за цветущим кустом, лежал на шухере незнакомый Охотник. Он лукаво покосился из-за плеча, – Отличный повод выпить и закрутить в танце какую-нибудь красотку, – Нил хмыкнул и заметил выпускницу на сцене через прицел арбалета, – По типу той, в красном платье.

Охотник проследил за его взглядом и оценил выбор, выгнув губу. Он слегка завалился на бок, чтобы получше рассмотреть собеседника. Нил тоже присмотрелся к его лицу:

стрижка под ежика, хитро прищуренные глаза под черными бровями, по возрасту за тридцать, но насколько далеко – сказать было сложно из-за азиатских черт лица.

– Почему не был? – спросил он.

Нил, довольный тем, что диалог завязался, дернул уголок рта.

– Бросил школу. Ушел в Охоту.

– Сколько же тебе лет было?

– Пятнадцать.

Охотник удивленно вскинул брови и снова любопытно прищурился. А может просто глаза очень узкие.

– Ты тот самый толстяк что ли?

Нил не обиделся, только расправил широкие плечи и самоуверенно ухмыльнулся.

– А похож?

Взгляд Охотника прыгал от пояса до носа. Он то хотел кивнуть, то помотать головой, но от неопределенности только больше улыбался.

– Я это, я, – признался Нил.

Тогда Охотник одобрительно закивал. От этого Нил возгордился собой и даже поправил на лбу волосы. Толпа гостей и выпускники заплодировали кому-то.

“Внимание, подозреваемые на сцене, ждем признаков влияния, – отрапортовала за поясом рация, прервав их тихий смех. Голос продолжил по-свойски куда-то в сторону, – Поскорее бы, а то так жрать охота”, – вызов закончился ском-

кано, и они оба хмыкнули.

– Какой, говоришь, у тебя позывной? – уточнил Охотник.

– Пока без него. Познакомимся еще раз через полгода.

– А я Мангуст.

– Не видел тебя раньше, – заметил Нил. Не то чтобы он знал всех Охотников, но низкого азиатского парня наверняка бы приметил.

– А я канцелярская крыса, – ехидно оскалившись, сказал Мангуст.

– Хорошо, что канцелярская, а не просто.

“Внимание, концентрация на женщине в черном, третья справа. Оружие наготове”.

На сцене стояли преподаватели, среди них – Реджина Флеминг, учительница математики. Она и правда выглядела куда хуже, чем в начале.

– Я ведь тоже у нее учился, – вспомнил Нил. – Нормальная была тетка.

– А ведь про нее давно была заявка, – вдруг серьезно сказал Мангуст, припав щекой обратно к арбалету. – А девять лет назад даже дело завели, но оно осталось висяком.

Нил нахмурил брови. Нутро стало тревожно разгоняться. Он нашел Флеминг в прицеле – старела на глазах, обнажая личину.

– Почему не пристрелили?

– Ну-у-у, – протянул Мангуст. – Каришма не всех убивала.

– Кого-то ловила в подземный питомник, – догадался

Нил. Все внутри вскипало и начинало клокотать. Руки сжали арбалет, палец лежал на курке. Нил держал голову с седыми прядями на мушке, силясь не выстрелить, пока Флеминг видна, как на ладони.

– Ага. А кого-то и не ловила. Слышал, был целый список амнистированных, – воровато и даже боязно сказал Мангуст. – И Линд его ищет.

Тут мертвячка вонзилась в шею выпускницы.

Тело Нила дрогнуло, глаза распахнулись. Он оцепенел, смотря на кровь, растекающуюся по шее девушки. Рация на поясе панически заверещала голосом Совы: “Не стрелять, вы заденете девочку, не стрелять!”

В ушах долбило, а арбалет стал тяжелее, чем он есть.

Точно в лоб Флеминг прилетел чей-то болт, и Нил словно вынырнул из глубины. Несмотря на мертвячий вой и закричавшую толпу, он почувствовал облегчение. Сосредоточился на Флеминг, от которой все отскочили, как от взрыва, и со злобой и даже удовольствием нажал на спусковой крючок. Никаких больше амнистий, главнокомандующая Каришма. Холодный голос Линда донесся с пояса: “Привести в исполнение запасной план”. Нил рвано выдохнул, надел маску и уверенно вышел из-за дерева вслед за товарищами.

Нил лежал в атриуме и вдруг почувствовал во рту привкус крови. Он, нахмурившись, посмотрел на пальцы – сгрыз кожу вокруг ногтя до мяса. Вербена сидела на соседнем дива-

не, подогнув под себя ноги. Ученики стали собираться здесь реже после смерти двоих из них, да и после облавы на выпускном всем хотелось отдохнуть. Нил не мог просто сидеть дома. Кровь в жилах кипела даже спустя день, голова гудела от мыслей. Вербена была рада, что он рядом. В одиночестве было тошнее.

– А там сидит твоя соседка, – продолжала свой рассказ Вербена.

– Мелисса? – Нил даже приподнялся на локтях.

– Ага. Я попросила её открыть внутренний зал. Думала, сейчас все из клуба выйдут, а я проверю ей зрачки.

– Та-а-ак? – глаза Нила загорелись хищным любопытством.

– Пришлось задержаться. Думала, она уже ушла, но решила проверить...

– Да быстрее к сути, Ви!

– А она там представление дает! – Вербена повысила голос и зыркнула своим фирменным взглядом, чтобы Нил не перебивал.

– В каком смысле? – он сел и облокотился на колени.

– Представилась Охотницей. Чтобы пацанов каких-то не избili.

Они выжидающе смотрели друг другу в глаза. Нил свел у переносицы брови. В суматохе событий Санлайты выпали из фокуса его внимания, и видимо, зря.

– Что это нахрен значит? – решил уточнить Нил на случай,

если Вербена сделала из этого какие-то логические выводы.

— Это что-то определенно значит, — твердо произнесла она. — Например то, что на нее могут выйти оборотни. Мы не знаем, сколько полнолуний они еще намерены охотиться на нас.

Полная луна напоминала распахнутый мертвый глаз. Она наблюдала за Нилом, как гребаное око Саурана.

Как только в Миднайт Хилле зажглись фонари, стало труднее дышать. Сначала Нил решил помыть мотоцикл. Он полагал, что будничное занятие успокоит, но взгляд то и дело поднимался на часы, стоящие на металлическом стеллаже. Зато из гаража не было видно луну. Нил тер так нервно и старательно, что малышка Ди уже блестела, как из салона, а комендантский час еще не наступил.

В это полнолуние вышел только один патруль. Вооруженный до зубов, только из командиров и Старших во главе с Линдом. Говорили, это он выстрелил на выпускном в штригу и попал точно в лоб. Отряд готовился с особой тщательностью: после наступления комендантского часа они должны были расставить ловушки, расчертить знаки прямо посреди улиц, развесить серебряные сети и ждать. Они не могли себе позволить ни единой ошибки. Это была охота на живца.

А Нил встречал красный закат в собственной комнате и сверлил взглядом особняк: одинокий, окруженный сосновым лесом, отдаленный от всех соседей, кроме него. Гасты

всегда раздражали его. Неужели их предки не додумались построить дома подальше друг от друга? Незанятая земля простиралась вокруг на многие гектары.

Нил бережно разложил болты для ручного арбалета на столе, считая, сколько выстрелов у него будет. Он глубоко дышал, обдумывая, что намерен сделать. Нил чувствовал, что сегодня обязательно узнает правду про Санлайтов. Заметит зверя, услышит звуки – хоть что-то. Это был первый раз, когда в полнолуние дела в Доме Охотников не отвлекут его от самой охоты.

С восьми вечера время словно замедлилось. Нил истоптал весь пол под окнами, выписывая узоры своим маршрутом. Мама то молча следила за ним, то скрывалась в спальне. Минута до комендантского часа ощущалась как минута до взрыва, но когда цифры сменились на 21:01, Нил в замешательстве замер. Ничего не случилось, и тягучее ожидание продолжилось.

Он тряхнул головой и направился к холодильнику. Желудок сворачивался в трубочку. Нил думал, что от волнения, а потом вспомнил, что последний раз умял что-то восемь часов назад. Разогретый в микроволновке кусок мяса ощущался пресным. Где-то в городе весь руководящий состав уже начал подготовку, а Нил, как на иголках, снова открыл холодильник и потянулся за банкой пива на верхней полке. Подошел к окну. Под щелчок открывашки, Нил прищурился и понял, что что-то не так. Напротив соседского особняка не

стоял красный седан, но окна светились во всем доме.

Из задумчивости его выдернула вибрация в кармане. Весьма настойчивая. Нил, не сделав глотка, выудил телефон.

– Ты трезв? – первое, что он услышал из динамика.

Нил присмотрелся к пиву в руке.

– Как раз планировал это исправить.

– Слушай сюда внимательно, Нил, мать твою, Хантер, – от такого напора он недоуменно свел брови, распахнул глаза и взволнованно отошел от окна, тут же выполнив не просьбу – приказ Вербены. – Несколько минут назад полицейскими из-за комендантского часа была задержана машина Санлайтов, – сердце тут же забегало, – Сам знаешь, сегодня нашим не до этого. По моей инициативе Санлайтов поместили в изолятор. Я сейчас выезжаю их проверять. Девочки с ними нет, понял?

Нил ошеломленно смотрел в одну точку, пытаясь осознать услышанное и приостановить разогнавшееся сердце.

– Она осталась одна, – продолжила Вербена четко и с расстановкой, – Есть шанс выяснить, что с ней не так. Ты же справишься один на один, Хантер?

На лице Нила уже растянулась улыбка.

– И что, даже Старшим не скажем? – кокетливо уточнил он.

– Мы и сами через полгода будем со званием. Нужно уметь действовать самостоятельно, – судя по голосу, она улыбнулась.

– Ви, я раньше говорил, что обожаю тебя?

Она недолго молчала, прежде чем ответить.

– Нет, вообще-то...это первый раз, – она звучно выдохнула в трубку. – Пообещай, что не умрешь.

– А я другие варианты даже не рассматриваю, – Нил бодро отставил пиво и поспешил на второй этаж за оружием.

– Так, ладно, бери ручку и записывай. Каждую букровку, мать твою. Рецепт противоядия...

– Да-да, я помню. Аконит похож на чл...

– Хантер, соберись. И прошу тебя – надень крестик.

Небо напоминало пламя костра. Плотный туман просачивался из глубины леса. Нил медленно пересек лужайку своего дома, остановился на дороге и задрал голову. Большая луна, до неприличия круглая, будто оценивала уровень подготовки: моральный и физический.

Нил ступил на соседний участок и засунул руки в болотную куртку с нашивками. Под ботинками хрустел гравий. Уверенной походкой Нил взобрался на крыльцо. Доски предательски скрипнули. Он замер, прислушиваясь к обстановке, а затем сделал еще пару шагов до окна. За шторами теплится маленький огонек. Стрекотание сверчков мешало слуху. Нил посмотрел на часы. В конце концов, до обращения есть максимум час. Главное не пропустить момент.

Нил сбежал с крыльца и отошел на такое расстояние, чтобы рассмотреть окна второго этажа. Особняк уснул, но Ме-

лисса не ложилась так рано. Окна в её спальне всегда горели, когда он уходил в патруль. Нил медленно обошел дом по периметру. Окутало волнение как перед экзаменом, хотя он и писал их когда-то в предыдущей жизни. Это была проверка. Нил хотел доказать самому себе, что готов.

Проверил внутренние карманы – кинжал и арбалет на месте. Но нет фонарика. Нил раздосадованно сжал веки. Такая маленькая ошибка выбила его из колеи. Шаркая ботинками, он вернулся к своему дому. Как только Нил захлопнул дверь и схватил из прихожей фонарик, с улицы послышался протяжный волчий вой.

– Нил? – донесся голос мамы откуда-то из комнат. – Не иди туда.

Это был не просто вой – горн, вызывающий его на поединок. Жуткий и смертоносный. Нил обвел языком сухие губы. Он был прав. Он был, мать его, прав.

Нил слышал, как мама частыми шагами идет к нему. Он просто хотел, чтобы она не успела сказать, что он слабый, уязвимый и что ему нужно спрятаться. Не хотел знать, что он ребенок, нуждающийся в защите.

– Не высовывайся, – отрезал Нил, как только она появилась в проходе, и вышел на улицу.

Солнце село, и лес словно окутал волчий дух. Нил глубоко вдохнул свежий воздух. Волки в чаще были, откликаясь на зов проклятого сородича. Длинные ноги быстро донесли до крыльца. Ему и раньше было страшно. Но Нил среагиро-

вал, когда облава на штригу вышла из-под контроля, всегда реагировал в спарринге. Сколько, черт возьми, можно доказывать себе, что он не беспомощный? Он больше не толстяк, которого может побить каждый.

Линд сказал, что многие погибнут при первой же схватке, а остальные прослужат долгую службу. Этот момент все равно однажды бы наступил. К нему невозможно полностью подготовиться. И этот момент сейчас. Нил не верил, что умрет.

Он достал из-за воротника серебряный крестик, поцеловал его и прошептал молитвы. Это может помочь. Должно.

Дверь не поддавалась. Ну конечно. Нил слышал грузные шаги и грудное рычание. Он покрепче ухватил ручной арбалет. Всего один выстрел в огромный мохнатый лоб. Это несложно.

И со всей силы лягнул ботинком окно.

Громадный двухметровый зверь стоял посреди гостиной. Нил столько раз представлял, как это будет. Оборотень был прямо как с видео, на котором его дед поджигал убежище целой стаи. Нил смотрел в желтые глаза, слушал глубинный грудной рев. Ну привет, соседка. Зверь открыл пасть с длинными клыками и бросился на Нила.

– Беги! – крикнул Нил Мелиссе и вопросительно сощурился, когда понял, что вампир только что сказал то же самое.

Красноглазый засранец слишком хорошо держал его отточенные удары. Если бы вампир хотел его убить, он бы сделал это, когда Нил был в отключке. За одно и Мелиссу бы хлопнул. Нил окончательно перестал понимать, что происходит, но на одних инстинктах продолжал драться. Если вампир не хочет убить Нила, это не значит, что Нил не хочет убить его.

Зверь был большим и неуклюжим в заставленной мебелью гостиной, а вот вампир оказался вертким и внимательным, не пропустил ни одного удара, которым Нил метил по его шее. В темноте у врага было преимущество, но Нил был выше и шире, к тому же фехтование – его конек. Вампир высматривал Мелиссу, и как только обнаружил, что входная дверь открыта нараспашку, попятился к окну. Нил скакнул на него, замахнувшись лезвием. Он решил направить удар не по голове и застать вампира врасплох, погрузив острый кинжал прямо в мягкий живот.

Вампир сложился от боли и захрипел. Нил со злобой потащил кинжал к груди, вспарывая мертвеца, как свинью на бойне, но тот вдруг схватил его за запястья и вскинул голову, зашипев, как дикая рысь. С него наконец слетел капюшон, но Нил не успел разглядеть врага. Длинные ледяные пальцы вцепились ему в глотку и стали давить на кадык с такой силой, что Нилу показалось, еще чуть-чуть – и он выплюнет легкие. Бледное разъяренное лицо расплылось перед глазами от боли и удушья.

Вампир оттолкнул Нила с нечеловеческой силой, но тот

смог устоять на ногах. Окровавленный кинжал остался в руке, Нил болезненно закашлялся, стараясь захватить весь окружающий воздух. Свежий, с сосновым запахом, он все равно не помогал прийти в себя. В свете луны вампир отхаркивал на пол кровь. Ковыляя к окну, он схватился за живот и останавливал то, что лезло из распоротого брюха. Нил снова закашлялся в попытке отдышаться и с трудом сфокусировал взгляд. Вампир уже исчез.

Нил добрал до окна. Он мог бы пойти по следам, но как только бешеное количество адреналина отхлынуло, тело сковали боль и усталость. Раны начали жечь от пота.

Золотое Охотничье правило – если ты не добил врага, ты проиграл. Почти все те, чья голова оставалась на плечах по завершению битвы приходили на следующую, как ни в чем не бывало. Чего нельзя было сказать об Охотниках. Первые боевые шрамы, кажется, разрисуют его спину и лицо.

Его убили бы, если бы хотели. Эта мысль пугала, но в то же время вселяла твердое чувство безопасности – его не придут добивать.

Нил потер шею и пошел к выходу из дома. Нужно было найти Мелиссу. С острия кинжала все еще капали багряные капли, под подошвой хрустело разбитое стекло. Он толкнул дверь и огляделся. На дороге стояла его мама. Она оцепенела, пустые глаза смотрели куда-то вперед. Не под ноги, у которых лежало тело в пижаме. Нил устало перешел на бег, бросил кинжал на асфальт.

– Мам! – он схватил её за плечо и стал щелкать пальцами перед глазами, чтобы она сфокусировалась на нем. – Очнись, сейчас, блин, не до этого!

Как только Нил поймал её взгляд, он, преодолевая боль в спине, сел на колени и подхватил хрупкое девичье тело. Рассыпанные по асфальту кудри приятно пахли. Хоть бы не умерла.

Нил подхватил девушку подмышки и под коленями, с трудом поднявшись на ноги. Такая легкая, как у нее только смелости хватило полоснуть его ножом по лицу? Мелисса совсем продрогла, под его же кожей от прошедшей схватки кипела кровь.

Он понес Мелиссу домой, ногой оттолкнул с прохода дверь и ввалился в прихожую. Прямо в окровавленной обуви Нил поднялся на второй этаж, стараясь прижимать голову Мелиссы к груди, чтобы не задеть стены и перила. Он положил её на постель в гостевой спальне и только после этого уселся рядом на полу, запрокинув голову.

Нил фрустрировано рассматривал оленье чучело на стене и слушал дыхание девушки, стараясь успокоить свое собственное. От усталости он сжал веки пальцами и болезненно задел рассеченную скулу. Вот ведь невезуха, рану на таком видном месте оставила обычная школьница. Даже рассказать стыдно. Нил хмыкнул и обернулся на Мелиссу.

Обычная школьница. Соседка, несомненно, оказалась именно ей. Не оборотнем, которого Нил жаждал прирезать в

отместку за командира. Просто девчонка. На самом деле он вспомнил её в детстве. Щекастая бойкая малышка в джинсовом комбинезоне, которая, казалось, обожала демонстрировать в улыбке ямочки и отсутствие некоторых зубов. Дружелюбная к нему, толстому, носатому, прыщавому закомплексованному мальчишке. Нил сам отказывался играть с девчонкой, да к тому же с мелкой. Еще он боялся старуху миссис Гаст.

Хорошо, что в следующий раз он пренебрег убеждениями и все же подружился с девчонкой. Она была единственным ребенком в незнакомых холодных коридорах, среди суровых взрослых убийц чудовищ. Плоская как парень, какая-то дикая, лохматая, очкастая и со слепым глазом. Ви. Они стояли друг друга.

“Санлайты чисты. Как у тебя?”. Легка на помине.

“Живой”.

Это слово размылось во вдруг наполнившейся влагой глазах. Он опять остался жив, хотя не должен был. Все Охотники ходят по такой грани? К этому чувству можно привыкнуть? Ослабшей рукой он нажал на кнопку отправки и, кряхтя, поднялся с пола. Рана, куда более опасная, отозвалась режью в спине. Может, для соседки эта страшная ночь уже закончилась, но не для него. Нил вяло бросил на Мелиссу плед, и тот упал ей на лицо. Тогда он вздохнул и аккуратно отогнул его край.

Нил ушел в свою комнату, соседнюю. Бросил на пол курт-

ку и попытался снять футболку. Он стиснул зубы – ткань уже успела прилипнуть к ране – и дернул кверху. В зеркале окровавленная спина выглядела жутко. Один глубокий порез от лопатки до широчайшей мышцы – пока Нил пытался их накачать, запомнил все глупые названия – и несколько мелких царапин вдоль. Такими ранами уже можно пощеголять. Если уже завтра за них не пристрелят свои же.

Оборотничество можно было сравнить с болезнью. Оно передавалось по наследству, и его можно было подхватить. Достаточно выжить от ран зверя в полнолуние. А умирать Нил не собирался.

На часах было чуть за полночь. Значит, до рассвета около четырех часов, чтобы промыть раны от волчьего яда. Смешивая основу для настойки, Нил размышлял, не перепутает ли какой-нибудь чертов цветок и не настигнет ли его проклятье. Он бы точно облажался, если бы не Вербена. На самом деле, Нил хотел бы служить Дому даже будучи оборотнем. Да, много неудобств, но и преимуществ много: сила, чуйка, зрение. Он бы взял себе позывной “Волк” и был бы самым матерым командиром Дома. Нет, как-то глупо. Да и путь ему заказан. Без вивариума его ждет только серебряный болт в сердце, потому что слово “нечисть” говорит само за себя.

Нил принялся крошить сухие цветки аконита, внимательно взвешивая на весах граммовку. В конце концов, аконит отравит либо его, либо оборотническую заразу.

– Нил, – мама аккуратно коснулась его плеча. – У Мелис-

сы лихорадка.

– Так помоги ей, мам, – отрезал он. – А потом мне.

Вскоре Нил расположился на низком пуфе, предоставив для мамы спину, как полотно для художника. Он вручил ей целую миску с жидкой мазью, пахнувшей, как успокоительный травяной чай, а сам обхватил большую подушку. Нил знал, что будет больно, но когда холодные пальцы коснулись ран, он громко рыкнул, дернувшись вперед.

– Продолжай, – сквозь зубы прошипел он.

Раны горели, будто это была не прохладная мазь, а раскаленное железо. Нил засунул подушку в зубы, мыча как можно тише, чтобы не пугать маму. Если она снова выпадет из реальности, будет хреново. В уголках глаз скопились слезы. По крайней мере противоядие работает.

– Так и должно быть? – взволнованно уточнила женщина.

– Да. Мажь жирнее, не жалей.

Когда за окном уже забрезжило солнце, Нил наконец смог подняться с дивана. Спина все еще дико жгла, но теперь хотя бы можно было двигаться. Нил набросил куртку прямо на голое тело и направился к особняку Санлайтов.

– Ты куда? – мама разомкнула уставшие глаза, сидя в кресле под чучелом тетерева.

– Там разгром, нужно всё подчистить, пока миссис Санлайт не вернулась.

– Что мы им скажем?

Нил пожал плечами.

– Что волк напал.

– А Мелисса?

– Сказал ей, что имею право убить её за раскрытие личности Охотника, – он устало хмыкнул, засунув руки в карманы. – Будем надеяться, я звучал убедительно.

– Кто скажет мне, – громко и величественно произнес Карл Линд, бросив на пол отрубленную светловолосую голову с ветвистыми рогами, – что это за существо, тот получит повышение! И чтобы больше никаких идиотских ошибок, из-за которых мы месяцами искали волков, вместо этих, – он презрительно посмотрел на рога, – оленей.

Вербена скрестила руки на груди. Охотники с любопытством и страхом смотрели на патрульный командирский отряд, вернувшийся с трофеем. Голова незнакомого существа на мраморном полу пробуждала глубинный страх. Длинные волосы свалились в кровавый клубок. А ведь Нил видел его в лесу. Это был не олень.

Молодой ученый в белом халате выступил вперед.

– Полагаю, это лунн, господин Линд.

Вербена слышала за левым плечом вкрадчивый голос, но на самом деле заранее знала, кто подошел – от Джейсона всегда приятно пахло абрикосом и пачули:

– Ты знаешь, что еще за лунны?

Она обернулась. Остальные ученики наблюдали за ними со стороны, будто отправили самого сильного, а она бы-

ла прокаженной. Джейсон смотрел внимательно, не опуская подбородка. Вербена отрицательно помотала головой и отвернулась. Когда Джейсон только появился в Доме пару лет назад, она его боялась. Большой черный парень с ритуальными татуировками, который одолел в первом же спарринге всю группу по очереди. Нил воспринял это как личное оскорбление, а Вербена как сигнал опасности. Но сейчас, когда Джейсон встал у её плеча, а широкая грудь часто вздымалась под черной водолазкой, выдавая волнение, ей стало спокойнее.

– Я тоже. Я знал, Клык выстоял бы против сраных шакалов, – Джейсон слегка наклонился к ней, чтобы говорить тише. – Что за хрень они держат в виварии? Надеюсь, у белых халатов есть оружие против этих рогатых.

Вербена вздохнула. Главнокомандующий развернулся, отрубленную голову подхватили исследователи, и теперь ничто не мешало ей отправиться подальше от Джейсона. Кроме него самого. Крупная ладонь легла ей на плечо.

– Что? – она посмотрела исподлобья.

Пухлые темные губы замялись, ноздри расширились. Они смотрели друг на друга, пока взгляд Джейсона не скакнул куда-то за её спину. На остальных.

– Я хотел извиниться.

– За что?

Черные глаза Джейсона неуверенно смотрели по сторонам.

– За то, что говорил тебе всякое.

Его рука все еще лежала на плече. Вербена неуверенно посмотрела на нее. Ощущение, что ладонь была по меньшей мере на талии, настолько неловко ощущалось это касание от Джейсона.

– Чего это вдруг? Решил, что больше не будешь? – холодно спросила она.

– Пахнет чем-то серьезным, – он, наконец, опустил на неё глаза. – Мы должны быть сплоченной командой.

– А ты типа лидер этой команды?

Джейсон раздраженно втянул носом воздух, но ответил решительно:

– Да. Даже если твоему Хантеру это не нравится.

– Понятно.

Вербена дернула плечом и ушла, хотя от его ответа веяло силой и безопасностью. Хоть кто-то настроен решительно. Джейсон опустил голову и досадливо облизнул губы.

Глава 6.

август 2013

Сквозь панорамные окна жарило солнце. В августе давно не держалась такая высокая температура. Кондиционеры под потолком кафе “Бургеры Грин” работали на полную мощность с утра, в то время как посетителей в дневное время почти не было. Несмотря на охлаждение, в форме все равно было душно.

Протерев столик после посетителей, Мелисса устало рухнула на барный стул рядом с Мирандой. Они могли позволить себе присесть, только когда в кафе никого не было. К несчастью, такое случалось все чаще, а Мелисса очень рассчитывала на чаевые.

У Миранды тоже были кудрявые волосы, поэтому мистер Грин, пожилой хозяин кафе, называл их овечками, даже не подозревая, что милое прозвище обидно для обеих девушек. За месяц работы Мелисса только начинала привыкать к причудам начальника.

– Скучно-то как, хоть вешайся, – протянула Миранда, положив щеку на барную стойку.

– Ничего, к вечеру станет весело, – ответила Мелисса, не вложив в последнее слово никакой веселой интонации.

В кармане джинс завибрировал телефон. Мелисса потянулась за ним, опасливо высматривая мистера Грина или кли-

ентов. К счастью, никто не помешает ей хотя бы взглянуть, кто звонит. Знакомое имя на экране вызвало широкую улыбку. Друзья её не забывали.

– Если кто придет – твои, – бросила Мелисса, соскочив со стула и направившись к подсобке.

– И так моя очередь, – устало подперев рукой подбородок, промычала Миранда.

Спрятавшись от чужих глаз, Мелисса поднесла телефон к уху и радостно, почти нараспев, произнесла:

– Приве-е-е-ет!

– Приветики, – послышался голос Ламмерта. – Ну что, как ты там?

– Я на работе сейчас. Скукота и жара.

– Ой, прости, забыл. Ты же говорила, по каким дням работаешь, а я опять все перепутал. Ты можешь говорить?

– Ну, – Мелисса снова выглянула в зал и заметила, как Миранда листает что-то в телефоне. – Да, вполне. Посетителей нет.

– Мне бы в баре такую расслабуху, – протянул Ламмерт.

– Как вы? Рассказывай! Давно не созванивались, – тоскливо заметила Мелисса.

– Это да. Мы в порядке. Вот, решили с Хью прошвырнуться.

– Передавай ему привет! – перебила она.

– Ага, тебе привет. Так вот, решили зависнуть в кафешке. “Бургеры Грин”, называется. Слышал от кого-то, что непло-

хое место.

Сердце Мелиссы подпрыгнуло, а ноги сами понеслись в зал. Ламмерт сказал еще что-то шутливое, но она хотела услышать все вживую. Обладатель такой знакомой белесой макушки осматривался в проходе. Миранда уже встала со стула, чтобы поприветствовать посетителей, но Мелисса с восторженным визгом понеслась её обгонять.

Ламмерт с широкой улыбкой убрал телефон в карман. Из-за его плеча выглянул Хьюго. Мелисса как радостный щенок виляла бы хвостом, если бы он у нее был. Она остановилась перед ними, как заведенная игрушка. Ей нужна была лишь отмашка, чтобы наброситься с объятиями. Этой отмашкой стало теплое “Ну привет”.

Мелисса обхватила их обеими руками за шеи, из-за чего подбородок Ламмерта ударился о макушку Хьюго. Мелисса наклонялась из стороны в сторону, не переставая довольно пищать.

– Санлайт! – послышался строгий голос мистера Грина. – Когда я просил тебя быть дружелюбней с посетителями, я не это имел в виду.

Мелисса отстранилась и, отряхнув задравшийся фартук и рубашку с коротким рукавом, повернулась к начальнику.

– Простите, мистер Грин, это мои друзья! – она не переставала улыбаться, отчего ямочки на щеках становились глубже некуда.

Мистер Грин огляделся и, видимо заметив, что в кафе ни-

кого нет, снисходительно махнул рукой.

Мелисса повела братьев за столик в углу зала и чуть ли не подпрыгивала.

– Вот, лучший столик, – Мелисса дала им занять места на мягких диванах друг напротив друга. – Вы вообще голодные? Есть будете? Хью, по глазам вижу, что ты голодный. – Мелисса протянула меню, в то время как Хьюго, смущенно хмыкнув, спрятал взгляд за рыжими вихрами. – Тебе рекомендую этот бургер, – она ткнула пальцем на нужной странице. – Самый сытный и сочный. А тебе, Ламм, вот этот – он с беконом. Ты же любишь бекон? – Мелисса наклонилась, опершись ладонями на стол и заговорила тише. – Не волнуйтесь, я пробую вам свою скидку.

– Спасибо, – Ламмерт оперся щекой на ладонь. – Последую твоим советам. И по большой коле.

– Я сейчас!

Мелисса усакала на кухню так же быстро, как тараторила, а спиральки в туго затянутом хвостике подпрыгивали ей в такт. Ламмерт еще больше обмяк на диване, осматриваясь вокруг. Заметив настороженный взгляд второй официантки, он улыбнулся и подмигнул, отчего она, наконец, перестала тарашиться. Глаза остановились на брате, что с легкой улыбкой листал меню.

– Вот этого мне и не хватало, – заметил Ламмерт.

Хьюго поднял глаза, выступающие клыки стали видны из-за растянувшейся на лице улыбки. Он кивнул.

Мелисса вернулась с напитками и, все еще невероятно энергичная, приткнулась на диване рядом с Хьюго. Она скрестила пальцы и переводила взгляд то на одного, то на другого.

– Ну и что вы забыли в Пайнвуде?

– Тебя, – ответил Ламмерт, приложив губы к полосатой трубочке.

Мелисса наигранно насупилась. Она и забыла, насколько ярко его глаза блестели на солнце голубизной.

– Лучше бы уточнили насчет выходного.

– Мы и в выходной можем приехать, – аккуратно заметил Хьюго, чем привлек к себе внимание. – Просто сегодня есть еще один повод.

– Правда? Какой?

– У Рола какие-то дела в Пайнвуде из-за поступления.

– Рол здесь? Он придет? Он поступает в Пайнвуд? – вся расслабленность и непосредственность испарились. Мелисса неожиданно для себя разволновалась, губы дернулись в улыбке.

– Да, да и нет, – ответил Ламмерт, громко затянувшись колой.

С кухни послышался пронзительный звон колокольчика, и Мелисса рефлекторно встала. Прыгающая походка теперь казалась тревожной, а не радостной. Она слегка задержалась у зеркала между кухней и залом. Поправила волосы, ковырнула маскирующийся среди веснушек прыщик, поскребла

ногтем по сухому пятну на фартуке. Когда Мелисса возвращалась в зал с подносом, то невольно оглядела кафе и улицу. Миранда обслуживала пожилую пару, значит можно было снова сесть за столик, пока мистер Грин не начнет на неё злиться.

– Ну и как дела? Скоро в школу опять, – Мелисса подперла голову и наблюдала, как братья поудобнее укладывают обед в руках.

– Это жуть, – сказал Ламмерт, засучив рукава клетчатой рубашки. – Будем надеяться, Притс нас не пристрелит.

Хьюго бросил серьезный взгляд на брата, а потом взглянул на Мелиссу:

– Лучше ты расскажи про свою будущую школу. Пока мы едим.

Мелисса закатила глаза и откинулась на спинку. Она недолго изучала белый потолок, пытаясь вспомнить хоть какие-то хорошие новости про себя и свою будущую учебу.

– Я так и не подала заявление на зачисление. Мама доверилась мне, а я воспользовалась, чтобы... Не знаю, чтобы что. Так что по документам мы с вами еще в одном классе, – она натянуто улыбнулась.

– А я думал, что вы постараетесь перевестись как можно быстрее, чтобы опередить Бритвича, который хотел тебя отчислить за отчетный, – гоготнул Ламмерт, стараясь удержать салат от бургера во рту, в то время как Хьюго внимательно изучал эмоции на лице Мелиссы.

– Думаю, после смерти Флеминг ему было не до этого, – ответила она.

Солнце заползло за огромное облако, словно подыгрывая настроению за столиком. Мелисса в очередной раз осмотрела зал в поисках недовольного лица мистера Грина, но увидев только недовольную Миранду, успокоилась.

У них больше не было возможности пообщаться, перебивая все тайны и секреты. Перед сном Мелисса иногда представляла, что именно хочет спросить про их...особенности. Она раз за разом переживала конец прошлого учебного года, расставляя все на свои места. Обсудить это было не с кем. Мама спасала её от всего, о чем хотелось поговорить.

– Как в городе обстановка? – спросила Мелисса.

– Комендантский час отменили, – с энтузиазмом заметил Ламмерт, бросив в рот соломинку картошки фри. Мелисса подумала, что точность броска он мог откорректировать в полете. – Так что я снова работаю в баре! Еще и повесили до официанта! Никакой больше грязной посуды. Почти.

– Можно тебя поздравить, – она улыбнулась. – Коллега.

– Угу.

– А как там ночь четыре недели назад?

Мелисса теперь отслеживала лунный календарь чуть ли не тщательнее, чем обычный. Почему-то слово “полнолуние” она произнести не решилась. Хьюго поперхнулся.

– Все хорошо, – сказал он. – Охотники больше не появлялись.

– Неужели поймали, кого хотели?

– Хорошо, если так.

Мелисса трясла под столом ногой и все же добралась до своих волос, принявшись накручивать кудрявую прядь на палец. Она наблюдала, как тщательно Ламмерт окунает картошку в соус, прежде чем решилась спросить:

– А как там... твои голоса по радио, Ламм?

Он нахмурился и опасливо осмотрелся, не успев ответить, потому что увидел у входа Роланда. Тот обвел холодным взглядом кафе, пока не заметил их. Несмотря на жару, на нем был черный пуловер. В сочетании со светло-серыми брюками и папкой для документов в руках, он выглядел как настоящий студент. Роланд сделал шаг в их направлении, а потом заметил Мелиссу и будто замер на секунду.

– Вы ему не сказали про меня? – зашептала Мелисса.

– А надо было? – прошептал в ответ Ламмерт, игриво выгнув бровь.

Кончик носа и скулы Роланда поблескивали. От мысли, что это остатки солнцезащитного крема, Мелисса слегка улыбнулась. Покраснения на бледной коже только подтверждали это. Они молча смотрели друг на друга, изучая словно впервые, пока Роланд усаживался напротив, пристраивая папку под боком. Мелисса выпрямила спину и опустила плечи, невольно подражая его выправке. По случайности они сели за столом точно также, как во время последнего разговора у них дома.

– Так и знал, что им не настолько интересны мои дела, – низкий голос прозвучал до одурения знакомо, хотя Мелисса не слышала его два месяца.

– А мне интересны. Поступаешь в Пайнвуд?

Роланд хотел было ответить, но его перебило недовольное наигранное першение. Мелисса оглянулась на звук и заметила насупившееся лицо мистера Грина, намекавшее, что с прибытием нового гостя у неё появилась работа.

– Не волнуйтесь, мистер Грин, он ничего не будет! – Мелисса с улыбкой махнула, продолжая сидеть за столом.

Брови Роланда полезли на лоб.

– Это правда, я не голоден, спасибо, – успокоил он хозяина кафе, который словно хотел подорваться принять заказ самостоятельно, попутно выбросив ленивую официантку за шкуру. Затем Роланд перевел строгий взгляд на Мелиссу и с нажимом произнес. – Как мило, что ты помнишь. Только впредь будь осторожней с такими заявлениями.

Она потупила взгляд, но спасением оказался бодрый голос Ламмерта.

– Тебя не уволят за такое?

– Все в порядке. Он добрый.

– Судя по всему, зря, – сказал Роланд.

Его присутствие сковало. Мелисса с удивлением заметила, что некоторые вещи не меняются, даже если ты знаешь что-то очень важное. Она снова почувствовала себя новенькой в странной школе за столиком парней, которых все из-

бегают.

– Я не поступаю в Пайнвуд, – произнес Роланд, и Мелисса подняла на него глаза. – Я поступил в Миднайт Хилл. Просто получил здесь некоторые документы. По сощобеспечению, для учебы.

Её брови недоуменно и даже слегка жалобно полезли на переносицу.

– Почему? – Мелисса заглянула в серые глаза. – Я думала, тебя ждет какой-нибудь... Оксфорд. Или по меньшей мере Даршстоун, – вспомнила она самый престижный вуз в Нью-Дарши.

Роланд вздохнул и отвернулся. Но это было не раздражение, скорее задумчивость. Мелисса невольно задержала взгляд на ямке над ключицей, которая выглядывала над воротом.

– Я не могу уехать из города.

– Да почему? – Мелисса нагнулась над столиком. – Твой ум не должен пропадать. Не думаю, что встречала кого-то, кто подходит для учебы в Даршстоуне больше. Для таких талантов, как ты, там и выделяют эти крохи бюджетных мест.

– Это слишком опасно.

Мелисса нагнулась еще ближе, и Роланд тоже подался вперед, догадавшись, что её следующие слова лучше произнести как можно тише.

– Не опасней, чем жить в городе, кишашем теми, кто хочет тебя убить.

Пальцы Роланда осторожно обхватили её запястье, и он приблизился так сильно, что Мелисса смогла различить прожилки в радужке. В жару его холодная кожа ощущалась приятной, как лимонад со льдом.

– Именно поэтому я не могу оставить их без присмотра, – прошептал он.

Мелисса не удержалась и робко бросила взгляд на их руки. Роланд разжал пальцы. Если вспомнить, они хоть раз касались друг друга прежде?

– Только не говори, что ты рушишь свою жизнь из-за нас, – сказал Хьюго.

Роланд откинулся на спинку дивана, скрестив руки на груди.

– Не из-за вас. Я считаю, что мне опасно жить на одной территории с чужими людьми, – взгляд Роланда все еще был направлен на Мелиссу и словно приказывал не развивать эту тему. – Это не рушит мою жизнь. Я принял такое решение, потому что считаю, что оно лучшее. Меня не волнует, что вы об этом думаете.

В кафе вошли новые посетители. Миранда их встретила, но затем недовольно стала кивать в их сторону Мелиссе.

– Простите. Мне нужно идти работать.

Мелисса встала, одернула форму и, натянув дежурную улыбку, направилась к гостям. Одно зацепилось за другое, и вот уже она моталась с кухни в зал, успевая лишь улыбаться друзьям. Она все время смотрела на них, борясь с идиотским

желанием уволиться прямо сейчас и избавиться от препятствий, мешающих провести с ними время. Когда они встали с диванов, сердце защемило. Вот и все.

Хьюго подошел первым, выцепив её в зале.

– Нам надо ехать, – поджав губы, сказал он. – А то следующий автобус в Миднайт Хилл только через четыре часа.

– Да, конечно, – Мелисса перевела взгляд на приближающегося Ламмерта. – Спасибо, что заехали. Была рада вас увидеть.

Ламмерт с лукавой ухмылкой засунул купюру в карман её фартука.

– Это вам за душевное обслуживание, мисс.

– Ой, перестань, – улыбка вновь заставила появиться ямочки на щеках. – Оставь себе, Ламм.

Но он остановил её руку, пытающуюся вернуть чаевые.

– Ну-ну. Могу себе позволить.

Мелисса с наигранным укором сжала губы, но они быстро растянулись в улыбку. Скомкано попрощавшись с братьями, она развернулась и наткнулась на высокую темную фигуру Роланда. От неожиданности Мелисса подскочила на месте. Он с невозмутимым видом нагнулся к её щеке, и она замерла, задержав дыхание.

– Послушай, – заговорил он вполголоса, целиком овладев её вниманием. – Ты не могла ошибиться с тем символом?

С непривычки такое количество Роланда выбивало из колеи. Хотелось даже отодвинуть его, чтобы сердце не сошло с

ума. Правда это значило, что нужно его коснуться.

– Может быть в деталях. А что?

Он прищурился.

– Не могу найти упоминаний. Только с отдаленной схожестью.

– Джули-Лу тоже мне про это говорила, – от звука этого имени Роланд недовольно нахмурился.

– Ты от Притс узнала?

– Да.

– Не лучший источник.

– Она мне фотку показала. Выглядела крайней достоверно.

Роланд засунул руки в карманы брюк и выпрямился. Еще какое-то время он изучал её лицо. Мелисса глубоко дышала, глядя на него снизу вверх. Как крошка Лия чувствует себя рядом с ним? И вообще...они теперь вместе?

– Надеюсь, ты не всю информацию так распространяешь, – он бросил взгляд на улицу, где его ждали братья: Ламмерт с любопытством, а Хьюго с тревогой. – Не хотелось бы в тебе ошибиться.

– Мне можно доверять, Рол. Разве я это еще не доказала?

Роланд снова наградил её изучающим взглядом. Он словно пытался залезть в её душу через зрачки. Мелисса не могла понять, приятные ли это ощущения, но одно осознала ясно: живот скручивается от его слов и взглядов. Что если на вопрос “стоит ли ей доверять” он сейчас для себя ответит “да”?

– До встречи, – только бросил он, проскользнув мимо неё к выходу.

Мелисса проводила его взглядом и еще раз махнула братьям через окно. “До встречи”. В конце концов, теперь не было ощущения, что они прощаются навсегда. Она может сама приехать к ним на выходных. Если мама отпустит.

Посетителей становилось больше, как и официантов, а это значило, что смена Мелиссы и Миранды подошла к концу. Они сутились в раздевалке. Мелисса старалась аккуратно сложить фартук в шкафчик, из которого вывалилась её одежда.

– Ну и кто из них твой парень? – спросила Миранда, стягивая форменную футболку.

Мелисса усмехнулась и, прежде чем выдать уверенное “никто”, произнесла:

– А ты на кого подумала?

– На рыжего.

Мелисса взметнула брови от неожиданности.

– Почему?

Миранда пожала плечами. Она протирала уставшее тело влажными салфетками и обернулась через плечо.

– Ну ты села с ним рядом. А еще он так на тебя смотрел.

Мелисса заинтересовано улыбнулась.

– Как?

Миранда в воздухе подперла голову ладонью, распахнула глаза и стала блаженно моргать. Мелисса засмеялась.

- У него просто глаза очень добрые. Поэтому так кажется.
- Миранда хмыкнула и отвернулась к шкафчику.
- Как знаешь.

Глава 7.

По дороге домой Мелисса все еще улыбалась самой себе, вспоминая сегодняшний день. Ноги в кедах устало шаркали по асфальту. Розовый закат удлинял тени от фонарей и скамеек. В наушниках играла песня The Killers, строчки которой Ламмерт любил напевать не в зависимости от ситуации. Строчки, в которых пелось, что все будет хорошо. Снова и снова. Эти повторяющиеся слова заставили Мелиссу сжать губы и задышать чаще, подавляя подползающую удушливую тоску. С тех пор, как она уехала из Миднайт Хилла, все было хорошо только один раз – сегодня, на протяжении часа.

Мелисса могла объяснить свое состояние новой школой, которая ждала её уже через две недели, и тем, что опять придется адаптироваться в коллективе. Или тем, что скучает по друзьям и чувствует себя одиноко. Тем, что живет в чужой крохотной квартире. На самом деле плохо было из-за мамы.

Сегодня у миссис Санлайт был день рождения. Мама ни разу не вспомнила о нем, но Мелисса решила, что даже если она не хочет праздника, задуть свечи на любимом торте её заставят. Бродя между стеллажей супермаркета, Мелисса отметила приятное чувство: благодаря чаевым она может себе позволить любой торт, и он будет считаться настоящим подарком, ведь куплен на её кровно заработанные, а не на карманные.

Они с мамой жили в двухкомнатной квартире на третьем этаже, под чердаком. Его завывания в дождливую погоду напоминали о доме в Миднайт Хилле. Мелисса не знала соседей по дому, поэтому старалась проскочить по лестнице мимо как можно скорее. Только огромный ротвейлер из квартиры напротив всегда заочно облаивал из-за двери, словно весь день только её и ждал.

Мелисса повернула тяжелые ключи и прошла в квартиру. На этот раз её встретил древесный запах с оттенками мяты. Благовония. Они не расслабляли Мелиссу. Их запах значил, что маме очень плохо, и она пытается успокоиться.

Мелисса бросила рюкзак в прихожей, разулась и, не включая нигде свет, пошла к маме в комнату, пряча за спиной торт и свечи. Она застала её за компьютерным столом. Голова лежала на скрещенных руках, рядом стоял пустой стакан. На экране были таблицы. Миссис Санлайт нашла удаленную подработку, которой занималась после основной работы. Времени на отдых почти не оставалось. Мелисса поднесла к носу пустой стакан – вино.

Мелисса пошла на кухню. Она устало щелкнула выключатель, чтобы осветить небольшое пространство у плиты. Оставила стакан в раковине, а сама стала собирать со стола упаковки и крошки. Когда Мелисса наклонилась к мусорке, то увидела в ней пустую бутылку. Снова. Она ни разу не высказалась об этом маме. Боялась, что та начнет их прятать.

Мамин день рождения с детства был таким же значимым,

как её собственный. Они всей семьей куда-то ходили, веселились и обязательно наряжались. Даже если происходило что-то плохое, в дни рождения для этого не оставалось места. Мелисса помнила, как по вечерам её родители могли танцевать под медленную музыку, красивые, словно в кино. Сейчас она была не уверена, что действительно видела это.

Папа в этом году не приехал. Не было цветов, подарков, платьев. Была пьяная уставшая мама в своей комнате, и она, измотанная голодная Мелисса, с тортом посреди маленькой чужой кухни. Как все может измениться за пару лет.

Мелисса оперлась о стол. Де Лордесы сегодня устроили ей праздник, и она устроит его маме. Постарается. Будет улыбаться.

На звук шкворчаний и запах гари спустя какое-то время пришла мама. Она прищурилась от света и улыбнулась. Каждый раз, когда Мелисса хотела приготовить что-то значительнее полуфабрикатов, что-то шло не так.

– Прости, мам, – Мелисса усилила вытяжку на максимум. – Опять у меня не вышло.

– Ничего, научишься. Прости, я уснула, не успела приготовить.

– Все в порядке. Точнее, – Мелисса потянулась за тарелками, чтобы наложить себе и маме слегка подкоптившиеся мясо с пастой, – в порядке только сверху, а внизу подгорело. И вот еще кое-что для тебя.

Мелисса побежала к холодильнику и достала из него торт.

В центре среди крема гордо возвышалась золотистая свечка. Мелисса быстро подожгла её и повернулась к маме.

– С днем рождения!

Миссис Санлайт широко улыбнулась, заставив Мелиссу тоже расплыться в счастливой улыбке. В дни рождения нет места для плохого, как и раньше. Но чем дольше улыбалась мама, тем больше Мелисса замечала – она сдерживает слезы.

– Я и забыла.

Уголки губ на мгновение упали, но Мелисса нашла в себе силы улыбаться дальше. Мешки под глазами, худоба, невымытые волосы, осипший голос – это все не её мама. К горлу подкатывал ком.

– Давай, мам, загадай желание! – она старалась звучать как можно бодрее.

Мелисса поднесла торт к маленькому круглому столику, за который могло поместиться только двое. Больше было и не нужно. Они почти никогда не включали общий свет. Лампы над плитой и уличного фонаря хватало. Полумрак скрывал уродливые обои, потертые стулья и заляпанные окна, создавая иллюзию уюта. Если дом в Миднайт Хилле хотелось обустроить и улучшить, то эту квартиру обе воспринимали как временное нелюбимое пристанище. Некоторые коробки с переезда все еще были сложены башенкой в крошечной гардеробной. Мама присела за стол и, недолго думая, задула свечу. Мелисса захлопала.

– Это еще не все! – воскликнула она и выскользнула из

кухни.

Миссис Санлайт смотрела на одинокий обугленный фитиль. Надо же, она и не вспомнила про свой день рождения.

Вот он – повод для радости. Только Грейс не нашла в себе ничего светлого, чтобы её почувствовать. Все слилось в одну бесформенную массу, состоящую из работы. Грейс могла бы работать сутками, только бы посторонние мысли не лезли внутрь. Но сил не хватало даже на то, чтобы расчесаться.

День рождения. Наверно, она может себе позволить выпить еще вина. Даже не придется прятаться от Мелиссы.

Миссис Санлайт встала из-за стола и достала с верхней полки свежую бутылку, скрывавшуюся за пакетами с крупой, которые, как она догадывалась, никогда не привлекли бы внимание Мелиссы. Усталая рука не сразу схватила за ручку ящика, пальцы с трудом нащупали штопор. Манипуляции с ним стали до омерзения привычными. Пробка выскользнула из горлышка, так же как и сама бутылка из рук миссис Санлайт. В попытке подхватить её до падения, Грейс только толкнула вино в кухонный шкаф. Звон разбитого стекла заполнил голову, отчего она затрещала так, будто череп одновременно сдавливает мозг и хочет взорваться. За стеной громко залаял чертов ротвейлер. Миссис Санлайт была готова его застрелить.

Она упала на колени. Нужно было как можно быстрее избавиться от бутылки. Мелиссе это не понравится. Это только испортит праздник. Миссис Санлайт не хотела разочаровать

такой картиной, но шансов успеть у нее не было.

– Мама! – послышался жалобный крик у дверей, заставив её вздрогнуть и в панике ускориться. – Господи, что ты делаешь? – Мелисса подбежала и схватила её за запястье. – Ма-мочка, пожалуйста, перестань. Брось...

Мелисса трясла её руку. Грейс опустила взгляд на свою окровавленную ладонь, с которой дочь пыталась стрясти разбитое стекло. Она села на пол, оперевшись о дверцу кухонного шкафчика. Помутненное сознание наблюдало, как Мелисса собирает осколки в пакет.

Грейс с ужасом для себя заметила, что от струек на коже ей легче. Будто она переполненный грязью мешок, который надрезали, и теперь боль потихоньку высыпается наружу. Как она смеет думать о таком, когда на неё смотрит дочь?

– Мелисса, отвернись, – прошептала она.

Синие влажные глаза только уставились с недоумением. Мелисса встала и со злобой выбросила стекло в мусорку.

– Хватит пить.

Она полоснула словами и вновь умчалась с кухни. Миссис Санлайт смотрела на кровь, насколько это позволяли вдруг нахлынувшие слезы. Как она, веселая жизнерадостная девочка, успела превратиться в пьяную одинокую тетку в маленькой кухне с запахом гари и вина? Как так получилось? Когда?

Мелисса пришла с аптечкой. Благодаря Хьюго, она имела представление о том, что нужно делать. Она вцепилась в

мамину руку и обильно смочила ладонь перекисью. Миссис Санлайт смотрела, как дочь обрабатывает порезы, терпя её резкие и грубые движения. Она заслужила эту злобу.

– Прости меня... – прошептала мама.

Мелисса сильно сжала губы. Воздуха еле хватало, чтобы не зарыдать. Из-за нее, своей мамы.

– Дорогая, тебе надо жить с папой в Нью-Дарши...

– Боже, мам, что ты несешь?

– Нет-нет, послушай. Я с ним поговорю. Тебе не место в такой дыре. Ты достойна всего самого лучшего. И образование мы тебе оплатим... в Даршстоуне.

Мелисса лихорадочно уставилась на маму. Она говорила такой бред, что хотелось кричать.

– Я не настолько умная. У нас нет на это денег, – отрезала Мелисса. – И я не брошу тебя.

– Ты должна. Получишь образование, выучишься на профессию своей мечты. Кем ты хочешь стать? – Мелисса молчала. Она с ужасом смотрела на льющуюся из запястья кровь, перевязывая как можно туже. Что, если бы мама решила отпить из новой бутылки, когда её не было дома? – Будешь зарабатывать много денег, и у тебя никогда не будет проблем с жильем. Посмотри на меня? Видишь, что случается? Мне сегодня сорок три, – Мелисса закончила с бинтами и стала складывать все обратно в аптечку. – Посмотри на меня, – настаивала мама.

Мелисса откинулась спиной на дверцу напротив. Губы

неумолимо дрожали, сдерживая внутри хоть что-то. От маминого заплетающегося голоса внутри все раздирало.

– Видишь, как. Жизнь мелькнула... – невнятно говорила мама. Она запрокинула голову и, наблюдая за узором на пыльном плафоне, старалась успокоить головокружение. – Казалось, еще все наладится. В следующем году. На следующей работе. Но впереди осталось так мало. Когда я была такой, как ты, казалось, что еще полно времени и возможностей, – различала Мелисса в бессвязном потоке сознания, – А на самом деле вся жизнь – это два-три решения, принятых второпях. Вот я против воли родителей сбежала в Нью-Дарши. Вот стою у алтаря. А сегодня мне сорок три. Знала же, что это неправильно, но думала, что все как-нибудь само встанет на свои места...

– Выходить за папу?

Но миссис Санлайт не слышала вопрос.

– Не встало. Все только ломалось. Уходило. Все друзья ушли. Мамы и папы больше нет, – Грейс надолго замолчала, впитывая эти слова. Мелисса представила, что её родителей больше нет, и не смогла сглотнуть слюну через режущее горло. – Только я, старая, ничтожная, совсем одна. Всегда была одна, – Грейс опустила взгляд на дочь, что молча сидела, спрятав лицо. Красивая, смышленная. Единственное, что она еще не потеряла. У нее все еще может быть по-другому. – Мы с тобой совсем одни. Никого нет рядом. Никто нам не поможет.

Мелисса подняла глаза из влажных рукавов рубашки.

– Есть папа.

В ответ на это Грейс только рассмеялась. На её уставшем, худом лице было так много морщин. Раньше Мелисса их не видела.

– Где же он? – спросила мама.

Вроде бы он исполнял свою мечту в Нью-Дарши. Мелисса уже точно не знала. Она не знала, кого ненавидела больше: отца за то, что бросил, мать за то, что пьет, себя за то, что ненавидит родителей, которые всегда её любили.

Все это уже давно становилось невыносимым. Может, ей просто пора повзрослеть. Очевидно, родители больше не её опора. Рано или поздно это бы произошло. Она сильная. Мелисса столько всего пережила в Миднайт Хилле и ничего. Сломалась только после разбитой бутылки вина...

– Так больше нельзя. Ты устала, мам. И я тоже. Ты себя убиваешь, – эти слова стали спусковым крючком, и Мелисса выдала громкий взрыд. Она заткнула рот рукой, хватая носом воздух, наблюдая за такой болезненной мамой, сидящей на полу в желчном свете лампы. – Нам нужно все изменить. Тут нам не лучше. Ты пашешь, как лошадь, а я...я не хочу в новую школу, – голос становился все громче и надрывнее, – не хочу тут жить. Я ненавижу этого гребанного пса! – Мелисса яростно ткнула на стену, за которой не переставал надрываться соседский ротвейлер. – Нам здесь плохо, мам. Зачем это все?

– А куда нам деваться? – промямлила мама.

– Миднайт Хилл? – Мелисса спросила аккуратно. Она и сама не знала, готова ли.

– Ты видела оборотня, – мама оживилась и заерзала, распахнув покрасневшие глаза, – в своем доме. Ты совсем не боишься?

Мелисса не боялась оборотня. Она боялась *за* оборотня. Она на самом деле сильно понимала Роланда, который решил поступить в Миднайт Хилл.

– Мам, ты думаешь, то, что я видела, страшнее того, что происходит сейчас с тобой? Нет, – решительно ответила она.

Миссис Санлайт затряслась будто от беззвучного смеха, запрокинув голову.

– Я понимаю, что выгляжу и веду себя как паршивая мать, но не настолько же, чтобы привезти любимого ребенка в город, где он может погибнуть?

– По-моему, ты хорошая мать. Но позволь дать совет, – Мелисса набрала побольше воздуха, чтобы произнести слова твердо. – Сначала себя спаси, тогда и меня спасти не придется.

Они смотрели друг на друга одинаковыми синими блестящими глазами. Две женщины семьи Санлайт. Хотя на самом деле они были Гаст. Стойкие, но оказавшиеся в зыбучем болоте. Им нужно было где-то найти силы. Еще немного.

– Мам, давай так, – заговорила Мелисса. – С этого дня все будет иначе. Прямо с твоего дня рождения. Сорок три –

это же отличный возраст, чтобы принять еще одно важное решение в своей жизни, согласна? Мы остаемся в Пайнвуде. Я хорошо учусь. А ты больше не пьешь. Сходишь к врачу, или что там делают...

Её дочь была маленьким и упрямым поплавком. Своим весом она утащит её на дно. Надо было попробовать все исправить.

– Да. Мы все исправим.

Мама закивала и потянулась обнять Мелиссу. Голова кружилась. Не было сил сдерживать слезы и внутренний спазм. Миссис Санлайт просто обмякла в руках дочери, изо рта вытекла рвота. Мелисса затряслась от беззвучного плача, стараясь не уронить маму. Она еще некоторое время гладила её по спине. Затем Мелисса умудрилась поднять её и дотащить до спальни. Оставила ей таз рядом с кроватью и таблетки на тумбочке. Мелисса стянула грязную рубашку и сидела на полу в темной комнате, пока не убедилась, что мама уснула.

Измотанная, она вернулась на кухню. На столе стоял нетронутый торт и ужин, по дверце шкафчика все еще расплывалось винное пятно, а на полке лежал оставленный в попыхах подарок для мамы. Мелисса открыла синюю коробку с ленточкой и достала мамин кулон на золотой цепочке, порванные звенья которой она восстановила. Его дарил папа.

Мелисса села за стол и стала медленно накручивать на вилку спагетти в соусе. Она была очень голодная. Подгоревшие остывшие кусочки хрустели на зубах. Время приближа-

лось к полуночи. Мелисса взяла вилку и стала ковырять торт. Она с необъяснимой хладнокровностью прокручивала в голове разговор. Вымыла посуду и пол. Выключила свет. Решила, что сходит в душ утром. Переоделась. Легла в мягкую постель и накрылась одеялом. С головой. И зарыдала.

Глава 8.

Ламмерт слышал, как захлопнулась дверь в подвал. Он обхватил колени, сидя на втором ярусе кровати. Макушка почти упиралась в потолок. Полная луна словно пыталась просочиться в комнату, поглотив пространство и принеся с собой голоса. Он уже отдаленно чувствовал её: тарабарщину, похожую на иностранный язык, на котором пытаются общаться соловьи.

Он сунул в уши наушники, словно заткнул пробками голову. Чтобы звуки не просочились внутрь. Он знал, что это не поможет, что “радио” звучит куда глубже в его голове, чем электрогитары любимых песен.

На самом деле это были красивые звуки. Язык, на котором он хотел бы уметь говорить. Его хотелось слушать, если бы не фантомные смыслы, которые накрывали от его звучания.

Сердце неприятно сдавило, а горло стало саднить. Ламмерту показалось, что он сейчас разрыдается, потому что устал. Потому что боялся, что не сможет вынести навязчивые призывы к убийству, но оказалось, что в этот раз стрекотания языка обозначали страдания. Ламмерт уперся носом в кулак и глубоко задышал. Боль транслировалась прямо в голову. *Оно* плакало и молило о помощи.

Дверь в соседнюю комнату захлопнулась. Ламмерт не услышал это, скорее почувствовал. Значит Роланд вернулся.

Значит Хьюго больше не Хьюго. Ламмерт опустил голову на подушку и закрыл глаза.

Он никогда не чувствовал себя более одиноким, чем по полнолуниям. Потому что пустовала кровать брата на нижнем ярусе. Потому что предметы произвольно взлетали в воздух. Потому что в эти ночи никто в мире не мог понять его. Он был такой один. Ни на кого не похожий. Не существующий в природе. Голоса только сделали все сложнее и лишили его возможности забыться во сне.

Чтобы перетерпеть ночь, нужно было прослушать сотню песен. Десять альбомов. Звук плеера прерывался белым шумом, словно радиоприемник. Ламмерт прослушал только два, а глаза уже болели, оттого что он тер их, чтобы подавить эмоции. Сворачивался в колачик под одеялом, будто оно могло хоть немного заглушить мольбу о помощи. Одновременно с несдержанным раздраженным рыком на столе лопнул стакан.

Ламмерт высунул голову из-под одеяла. В осколках стекла разливалась вода. Обычно они уносили из комнаты все, что может повредиться, но Ламмерт посчитал, что способен контролировать силу. Зря. Глубоко дыша, он спрыгнул с кровати. Вместо стакана могли быть чьи-то органы.

Голубые влажные глаза уставились на лунный диск над лесом. Ламмерт чувствовал, с какой стороны идет голос, словно это был реальный звук.

Он натянул джинсы и засунул плеер в карман. Собрал

крупные осколки и аккуратно вышел из комнаты. По лестнице нельзя было спуститься беззвучно, но он все же попытался. Выбросил стакан и пошел в прихожую. Натянул кеды и черную толстовку.

Ламмерт больше не мог просто прятаться и ждать, когда все пройдет. Вдруг голоса не отпустят никогда? Вдруг он сможет найти то, что говорит у него в голове, и надрать ему задницу? Особенно сейчас, когда силы так неконтролируемо выплескиваются. В конце концов, сколько можно жаться по углам, как трус, и ждать, когда другие решат проблемы за тебя? Ламмерт чувствует источник только по полнолуниям. Нужно рискнуть и это будет только его решение. Не решение братского совета.

Лунный свет пожрал его прямо на пороге. Дышалось глубоко, хоть легкие и спирало от неведомых чужих страданий. Ламмерт достал один наушник и услышал шелест листьев в подступающем лесу. Он выключил музыку, и длинные ноги понесли его на задний двор, прямо к темнеющей чаще. На голос.

В лесу было много звуков, особенно ночью. Скрипы стволов, хруст веток. Чувство самосохранения Ламмерт намеренно засунул глубоко в задницу, ведь ему некого здесь бояться. Кроме Охотников, разумеется. И той твари, которую он ищет.

Идти становилось все труднее: деревья плотнее стояли на пути, а склоны становились отвеснее. Ветки с грубым хру-

стом отрывались из-за резких взмахов Ламмерта, а упавшие стволы отъезжали с пути, вспарывая сухими сучьями уплотненную хвоей землю. Только валун не поддался так просто, лениво накрываясь в своей яме, пока Ламмерт не взбесился настолько, что тот скакнул как шарик в пинболе. От его оглушительного приземления под ногами прошла дрожь, ночные птицы гаркнули и разлетелись. Ламмерт довольно дунул на мешавшую на лбу челку. Отличная разминка перед дракой.

Он шел не прямо, а как получалось, еще не зная, как вернется домой. Главное, что зов становился отчетливее. Лес начал редеть, а слева внизу замаячили огни города. Преодолев очередной подъем, Ламмерт выбрался на прогалину: мелкие сосны слегка отступали от каменистого обрыва, с которого открывался вид на ночной Миднайт Хилл. На земле лежал ворох коричневых тканей. Из него раздался взрыд. Ламмерт в оцепенении замер.

Оно подняло голову и тоже замерло. Большие светящиеся глаза, впалые щеки и копна спутанных седых волос. Это была женщина, и она плакала. Как и Ламмерт.

Он судорожно вытер откуда ни возьмись возникшие слезы. Голоса словно вылезли из головы и пропитали все пространство. Муки на незнакомом языке метались шепотами между сосновых стволов. Между ним и **Ей**.

Ламмерт впервые узнал, каково это, когда трясутся колени. Он словно примерз к земле, рассматривая мертвенно белое лицо с влажно поблескивающими дорожками от слез.

Полная луна заливала прогалину холодным светом, ветки отбрасывали корявые тени и издавали почти живые звуки. Шепоты, зовущие, молящие о помощи скользили между черепом и мозгом, в небе, под землей, во тьме леса, в лунном свете. Ламмерт пришел сюда, чтобы больше не слышать этого. Никогда. Пусть сейчас это мольба о помощи, месяц назад это был призыв убивать.

Он судорожно оглядывался на лес, оживший, говорящий с ним. Здесь есть кто-то еще? А *она* уже стояла. Замерла как истукан, в струящейся одежде, подвязанной ремнями, а веревки с камнями и колдовскими символами на тонкой шее завораживали, как край обрыва.

Ламмерт сглотнул. Хотя её щеки еще болезненно краснели и поблескивали влагой, взгляд был настороженным и воинственным. Он знал, что не полная луна подсвечивает голубизной её глаза. Они сияют также ярко, как у Хьюго и Роланда в их “особые” моменты.

Все перевернулось. Он больше не хищник, он – жертва.
– Кто ты? – выронил Ламмерт.

Она молчала. Наверно, не понимает его язык, ведь в голове она говорит не на нем. Ламмерт должен был драться, но сейчас не мог заставить себя даже лишний раз моргнуть. Какой же он дурак.

Шепоты окружали, и стало казаться, что они обрели тела и теперь мелькали между стволов. Ламмерт бросил взгляд в чашу и приметил в отдалении увесистую ветку, которую

сейчас попытается отправить прямо ей в фосфорически светящиеся глаза.

– Уходи. Не трогай.

Ламмерт бросил на неё растерянный взгляд. На самом деле он слышал не слова. Слышал страх. Её светлые брови дернулись к переносице, она тоже смотрела на ветку, а потом подняла глаза на него. Ламмерт тяжело дышал. Она – та, кого он и хотел найти. Он облизнул сухие губы и выдавил из себя главный вопрос:

– Кто я?

Она дернулась и побежала в лес, как заяц, услышавший хруст веток под лисьими лапами. Ламмерт вдруг сорвался за ней, но сил хватило лишь на несколько метров пробежки меж стволов и веток. Белый маячок её волос потерялся среди сосен.

Ламмерт вернулся к обрыву и устало рухнул на валун, подтянув к себе колени. Он зарылся пальцами в волосы и стал беспокойно поглаживать зачатки рожек трясущимися руками. От тревожного рваного дыхания давило легкие, но не потому, что это принесли с собой голоса. Это было внутри него. Ламмерт надавил пальцами на веки, размазав влагу, и запрокинул голову, протяжно выдохнув. Он уставился на полную луну. Пытался успокоиться, матерясь себе под нос, глубокими вдохами заглатывал хвойный прохладный воздух. Ламмерт и раньше замечал, что он как солнечная батарея, только лунная – по полнолуниям его распирало от

энергии. Сейчас он как никогда чувствовал, что насыщается светом сквозь кожу.

Вдруг Ламмерт заметил, что в землю воткнута тлеющая палочка. Он нахмурился, присел на корточки и достал её. Она приятно пахла. Впереди как-то странно в ряд лежало несколько камней. Ламмерт зацепился за них взглядом: они образовывали круг. Вокруг него. От внезапного приступа страха он выкинул палочку и выскочил за границу, ругнувшись. В панике обернулся через плечо. Глаза искали её меж сосен. Ламмерт сжался и потер переносицу. Черт, это уже слишком.

– Тебе, черт возьми, не кажется, что это уже слишком? – процедил Роланд, когда Ламмерт тихо открыл входную дверь с первыми лучами рассвета.

Брат скрестил руки на груди, стоя в темноте прихожей. Глаза сверкнули алым.

– Ты где был?

– Свежим воздухом дышал, – бросил Ламмерт, стягивая обувь. – Ты мне мамка что ли?

– Мне позвать Марту? Как будто ей проблем не хватает.

– Нет. Просто отвали, Рол, завались, ладно? – сорвался Ламмерт.

Роланд глубоко вдохнул. Его бровь нервно дернулась.

– Не кричи, сейчас пять утра, – и сам продолжил на несколько тонов тише, – К твоему сведению, мне не нравится бегать и искать своих братьев в задницах, в которые они

лезут по полнолуниям.

– Слушай, – Ламмерт взметнул руку и набрал в легкие побольше воздуха, чтобы объяснить, что он устал, что его измучили голоса и боль, что ему страшно оттого, что он видел, что ему просто хочется закричать и выговориться. Но промолчал и небрежно махнул. – Забей.

Голоса отступили, но не тревога. Ламмерт накрылся одеялом с головой, чтобы приглушить утренние лучи, пробивавшиеся сквозь шторы. Заснуть, конечно, не было шансов. Когда в районе восьми утра дверь в комнату открылась, Ламмерт резко вскочил, чуть не ударившись макушкой о потолок. Хьюго устало рухнул на нижний ярус и закутался в одеяло. Ламмерт сел по-турецки и запрокинул голову. Он стал водить пальцами по потолку, борясь с эгоистичным желанием потревожить брата и вывалить ему все.

Ламмерт спрыгнул с кровати.

– Хью?

– М-м-м, – слышалось мычание где-то между одеялом и торчащими из-под него рыжими прядями.

– Ты как?

– Как обычно, – хриплый голос. – Паршиво. А ты?

Ламмерт помялся у его кровати, стараясь наскрести достаточно аргументов, чтобы рассказать все прямо сейчас, но глубокое уставшее сопение перечеркнуло все, что он успел придумать.

– Я... расскажу тебе, когда отдохнешь.

Ответом на это послужило утвердительное мычание сквозь сон. А отдыхал Хьюго долго. Ламмерт успел измотать себя мыслями о женщине. Он не осмелился. Не потому, что был не способен. У него не было особых барьеров, когда нужно было преподать кому-то урок кулаками.

Между ними была связь. Он ощущал её физически, словно пространство наполняло невидимое вещество, исходящее от нее, содержащее её эмоции. Совершенно сумасшедшее дерьмо.

Он единственный, кто это чувствует? Она его выбрала? Она знает, *что* он такое? Это была...его мама?

Хьюго спустился на кухню ближе к пяти вечера на запах свежеприготовленного рагу. Марта тут же наложила ему огромную порцию и потрепала по нерасчесанным волосам. Он улыбнулся и стал нахваливать запах и вид ужина так, будто не ел неделю.

– На плите еще целая сковородка, – с теплым смехом говорила Марта. – Набирайся сил.

Ламмерт сидел напротив с почти опустевшей тарелкой. Он наблюдал, как быстро рагу исчезало за щеками Хьюго. Казалось, он толком не успевал жевать, проглатывая горячее мясо почти целиком.

– Че делать сегодня будешь? – подступился Ламмерт издалека.

– Хм, не знаю, – ответил Хьюго между кусочками картофеля в густом соусе. – Думал в саду поковыряться. Нуж-

но ветки подпилить. А еще полить, – он еще какое-то время оглашал список дел, пока не заметил безучастный взгляд Ламмерта. – Ты почему спросил?

– Я говорил с той, чей голос слышу в голове.

Хьюго выпучил глаза, в горле запершило. Он вперился в брата, пытаясь распознать шутку, но лицо Ламмерта с фиолетовыми кругами под глазами выглядело слишком напряженным.

– Типа...телепатически? – уточнил Хьюго.

– Нет. Орально, – Ламмерт слегка ухмыльнулся. Он был доволен, что употребил такое умное слово не в том контексте, в котором его узнал. – Я нашел её в лесу. Просто пошел на голос.

– Ты как до такой великолепной идеи додумался вообще? – тревожно спросил Хьюго.

Ламмерт понуро опустил голову и прижал челку к макушке. Он вглядывался в разводы соуса на тарелке, как в гадательную кофейную гущу.

– Я хотел, чтобы это все прекратилось.

Хьюго старался успокоить свое дыхание, наблюдая, как пальцы Ламмерта шерудят волосы в области рожек.

– Нам нельзя лезть, это опасно, – уверенно возразил Хьюго.

– Но блин, этот голос, – Ламмерт взвинченно ткнул себе в висок. – меня уже конкретно задолбал. Не хотелось бы подключаться к этой долбанной радиостанции до конца жизни.

Знаешь, ни хрена не прикольно раз в месяц думать, что кто-то умрет, уж тем более от моих собственных рук.

— Знаю, Ламм, — раздраженно, но негромко ответил Хьюго. — Тебе придется как-то с этим смириться. Научиться справляться.

Судя по звучному вздоху и забегавшим глазам, Ламмерту этот ответ не понравился. Хьюго сжал губы и задумчиво смотрел из-под рыжих прядей. Хотя комендантский час отменили, а новых трупов не находили, это не значит, что все закончилось. Ламмерт живое тому подтверждение.

— Ладно, слушай, — Ламмерт нервно растопырил пальцы на ладонях. — Давай просто сходим туда и проверим, действительно ли я кого-то видел.

— Есть сомнения? — аккуратно спросил Хьюго, заглянув Ламмерту в глаза.

Тот так зажевал губы, что вдруг прикусил щеку и слегка скривился. А потом кивнул. Они какое-то время задумчиво смотрели друг на друга.

— Ты поможешь или нет?

Хьюго протяжно выдохнул и опустил взгляд в тарелку. Почему он не может просто побыть школьником на каникулах?

Вскоре они уже пробирались через лес в направлении утеса. Ламмерт плохо помнил дорогу, но Хьюго шел по его же собственному запаху, который, по заверениям брата, еще тянулся тонким шлейфом меж стволов. Путь показался еще

более изматывающим, особенно когда перед глазами маячил Хьюго, ловко и быстро взбирающийся по камням. Ламмерту стоило поспать хоть немного, прежде чем лезть в гору второй раз за сутки.

Усталость отпустила, когда прохладный ветер остудил разгоряченные мышцы на том самом утесе с валуном. В вечернем свете прогалина не казалась такой мрачной и загадочной, если бы не круг из маленьких камней. Ламмерт с облегчением выдохнул – он не сумасшедший. Братья подошли поближе. Хьюго пренебрежительно пнул ботинком несколько камешков размером с картошку, разорвав круг, и только после этого присел на корточки. Ноздри старались уловить чье-то ночное присутствие. Глаза были закрыты, чтобы сосредоточиться на обонянии. Он оперся ладонью на землю, и брови недовольно встретились у переносицы.

– Он действительно был здесь, – заключил Хьюго.

– Она, – поправил Ламмерт.

– Она, – повторил тот, взметнув брови.

– Ты её хорошо чувствуешь? Мы пойдем по следу? – не в силах удержать любопытство, спросил Ламмерт.

– Очень слабо, – Хьюго сел прямо на земле и запустил пальцы в волосы, тяжело вздохнув. – Я не думаю, что нам нужно идти по следу этого существа.

Хьюго как-то безгласно выбил пяткой еще один камень из круга. Ламмерт скрестил руки на груди. Его переворачивало от мысли, что они просто проигнорируют такую находку.

Нутро подсказывало, что это очень важно.

– А если она виновата во всем, что происходит в городе?

– Тем более! – выпучив глаза, отозвался Хьюго. Он оперся ладонью на валун и поднялся, отряхнув бедра от прелой хвои.

– Предлагаешь проигнорировать и залезть обратно в норку, чтобы наши задницы были в безопасности? А, ой, они же никогда не были в безопасности, – саркастично закончил Ламмерт.

– Мы не знаем, с кем имеем дело, – настоял Хьюго.

– Так вот пойдем по следу и узнаем, – голубые глаза испытующе смотрели на него. – Да брось, неужели тебе не интересно? – и еще после некоторой паузы Ламмерт добавил. – А что если это была моя мама?

Хьюго чувственно поднял взгляд на брата. Запрокинул голову и вдохнул поглубже.

– Боже, Ламм, надеюсь оно того стоит.

Хьюго потянул кверху толстовку.

Вскоре Ламмерт уже еле поспевал за размашистыми звериными шагами. Бурый хвост заметал следы, а черный влажный нос низко припадал к земле. От его дыхания прелые листья и траву разносило в стороны. Ламмерт нес кучу одежды и смотрел под ноги, стараясь ничего не обронить и не споткнуться о торчащие корни.

Казалось, огромный зверь с трудом может передвигаться в таком плотном лесу, но Хьюго просачивался меж стволов с

кошачьей ловкостью. Они заходили в лес все глубже, солнце опускалось ниже, а температура явно падала. На голубоватом небе меж хвойных крон уже просматривался диск еще недавно полной луны.

– Эй, Хью, давай сбавим, – попробовал докричаться Ламмерт. Он оперся о ствол и, поудобнее перехватив в руках одежду, пытался отдышаться.

Зверь хищно обернулся. Глубинный рокот отражался от стволов, распространяя вибрацию дальше в лес. Из ошетилившейся пасти торчали длинные клыки. Желтые глаза с вертикальными зрачками агрессивно таращились на Ламмерта.

– Твою мать, – прошептал тот. Он побросал на землю одежду и полез в карманы толстовки.

Зверь кинулся в его сторону.

– Хью, Хью, остынь! – взволнованно кричал Ламмерт, дергаными движениями пытаясь найти в одежде карманы и отступая назад, будто расстояние между ними даст ему больше времени. – Это же я!

Зверь махнул громадной лапой, Ламмерт пригнулся и споткнулся о камни. Он упал навзничь, а из кармана выпало то, что он так судорожно искал. Ламмерт развязал мешочек с сушеным аконитом и бросил траву прямо в пасть, распахнутую, чтобы размозжить его голову. Зверь рыкнул, чихнул, ударившись головой о ствол дерева, затем сел, рыча.

– Лучше вер-р-нуться, – проревел замогильный голос из

глотки волка.

Ламмерт приподнялся на локтях и пытался отдышаться и утихомирить сердце.

– Ага.

Глава 9.

Нил попробовал выкрутить яркость и насыщенность, слегка наклонил голову и покадрово стал еще раз просматривать запись на ноутбуке. Он уже выучил её наизусть: вот его дед, вот молодой Клык, а вот из горящего дома выпрыгивает самая огромная особь. Всего секунда, когда на шерсть зверя попадает свет фонаря. Все-таки бурый.

Нил сидел в глубоком мягком кресле, закинув ноги на край стола. Прямо над ухом гудел старый холодильник. Желтоватый свет от лампы освещал небольшую комнату Вербены в Доме и весь тот беспорядок, что здесь царил: одежду на кровати, на комоде и на полу, упаковки, полупустые бутылки и несколько грязных чашек, стоящих скопом на рабочем столе. Иисус с серебряного креста над кроватью наверняка смотрел на это с разочарованием.

Сама она вышла из ванной, заправляя объемную футболку за пояс джинсов. Схватила с вешалки черную кожанку, с комода – темные очки, поправила волосы на лбу и твердо произнесла:

– Готова. Поехали, – и столкнула его ноги с прохода.

Нил захлопнул ноутбук, сунул его подмышку, и с готовностью выскользнул в коридор за Вербеной.

Раздобыть для сравнения записи с другими облавами на оборотней не удалось. Никто за этим особо не следил, не вел

учет, да и оператор в группе – явление весьма редкое. Тогда пришлось зарыться в бумажки архива, но и там в делах за прошедшее столетие никто не делал акцента на цвете шерсти. Нилу пришлось попотеть, но он все же смог опросить тех, кто охотился в других городах и даже странах, и узнал – оборотни бывают разных окрасов, но в рамках стаи обычно не отличаются. А бурый далеко не самый распространенный цвет.

Вербена отпрянула от талии Нила, когда он сбавил ход мотоцикла на въезде в Туманную долину. Здесь было много заброшенных домов, а жители реагировали на рев мотора как на самолет.

– Ну и дыра, – прокомментировал Нил из-за плеча.

Доехав до самого конца улицы, где дорога упиралась в лес, он заглушил двигатель. Полуденное солнце скрылось за облаками, и деревья недружелюбно зашелестели. Они спрыгнули с мотоцикла, Нил пнул подножку и упер руки в бока. Они осмотрели обочину, но никакой тропы вглубь не обнаружили. Нил всматривался между стволами и даже достал для этой цели бинокль.

– Нил, – позвала Вербена. Она осторожно кивнула куда-то влево, и он обернулся.

За ними с подозрением наблюдала низенькая старушка в очках. Она выглядывала из-за забора, увитого малиной. Нил бросил бинокль в коляску и уверенно зашагал в её направлении. Женщина немного шугнулась, но передумала скры-

ваться, когда он дружелюбно улыбнулся и махнул.

– Здравствуйте, мисс, – Нил знал, женщину никогда не поздно назвать “мисс”. – Подскажите, пожалуйста, мы ищем сгоревший дом. Он должен быть где-то здесь.

За спиной старушки простирался благоухающий растениями участок, а по старенькому двухэтажному дому тянулись виноградные лозы. Нил был выше почти вдвое, он едва не присел на корточки, чтобы не пугать своими габаритами, но вместо этого только нагнулся, облокотившись на каменную опору забора.

– В округе несколько сгоревших домов, – заметила она, улыбнувшись.

– Он сгорел в девяностых. Вероятно, был где-то в лесу, на отшибе, – лицо женщины стало меркнуть. – Там жила семья по фамилии Рёхундсен.

– Зачем он вам? – старушка с подозрением заглянула за плечо Нила.

Он растерянно обернулся. Вербена, до этого прислушивающаяся к разговору, поправила темные очки, отвернулась и вернулась на пару шагов к мотоциклу.

– Мы-ы-ы... – Нил включил соображалку на максимум и все же смог сгенерировать приемлемый ответ. – Делаем архитектурный проект. Нужно воссоздать облик утраченных зданий Миднайт Хилла. Вот, ездим, смотрим. Всего пару фотографий сделать.

– Студенты? – уточнила она, и Нил угукнул. – Но учеба

еще не началась.

— Вы очень внимательная женщина, — он понизил голос и улыбнулся. — Уверен, вы помните, как найти этот дом.

Она опустила голову и задумчиво ей помотала.

— Тропа давно заросла. Вряд ли от дома что-то осталось, — она небрежно махнула в сторону леса, прямо туда, где могла бы продолжаться дорога.

— Благодарю. Они были необщительными, да? Рёхундсены.

— Очень приятные люди, — мягко возразила старушка и печально вздохнула.

— И что же, все сгорели? Никто не выжил?

Она мрачно зыркнула на Нила.

— Никто, — и засеменила по узкой гравийной дорожке в сторону дома.

— Спасибо за помощь! — крикнул он вслед и скорым шагом направился к Вербене.

Та вопросительно вскинула голову, и Нил положил ладонь ей на лопатку, подталкивая в сторону мотоцикла. Они оба попеременно обернулись, чтобы убедиться, что пожилая женщина за ними больше не следит, и засунули за пазуху фонари и оружие, лежавшие в коляске мотоцикла. Нил спрятал руки в карманы и решительно сошел с обочины.

Под охотничьими ботинками хрустел хворост, окутала приятная лесная прохлада. Они отдалялись от домов, а когда те затерялись среди стволов, Вербена обогнала Нила и

пошла вперед спиной, с опаской прислушиваясь.

– Не нравится мне это место, – сказала она. – Мы еще и внимание привлекли. Лучше не задерживаться.

– Чего ты боишься? Все нормально.

– Блин, Хантер, ты спалил свою ухмыляющуюся рожу перед вампиром и оборотнем, – твердым голосом напомнила Вербена. – Вот, чего я боюсь.

– Я знаю! – агрессивно прошептал он, вылупившись на неё с высоты своего роста. – Я ждал их два полнолуния! Напичкал весь свой дом этой долбанной защитой. По твоей, между прочим, инициативе, – он ткнул указательным пальцем ей в грудь. – Теперь мой дом прям воняет охотой, осталось только на двери написать “здесь живет Охотник”, – саркастично выдал Нил, и они остановились в гуще сосен. – Но они не пришли, Ви! Не пришли за мной. Поэтому мы идем за ними.

Нил оторвал от неё свой сверлящий взгляд и, нервно осмотревшись, прошел мимо её плеча. Вербена опустила голову.

– Прости, – сказала она ему в спину. – Тебе нелегко.

– Да нормально мне! – Нил дерганно всплеснул руками. – Нормально! Просто... – он запрокинул голову к кронам и вздохнул. – Нужно действовать дальше.

Нил и Вербена высматривали между сосен прогалины или тропы, которые помогли бы вывести к сгоревшему дому. Они прочесывали местность молча, на расстоянии друг от друга, чтобы увеличить площадь обзора. Наконец, среди

стволов показалась чернеющая масса.

– Ви! – Нил махнул, и они поторопились на холм через ветки и поваленный ствол.

Черные стены первого этажа частично держались, обугленные балки верхних коряво щетинились, опав под собственным весом. Сквозь фундамент уже пробились побеги растений, затягивая развалины дома в лоно природы. Вербена остановилась у почтового ящика, отрешенно торчащего под углом на расстоянии. Букву “Р” оплетали детские рисунки.

– И что ты планировал здесь найти? – спросила она.

– Растопку для камина.

Нил достал фонарик и осветил руины. Он перешагнул через порог и аккуратно просунул голову под доски, осматривая пространство.

– Следы, царапины, – крикнул он оттуда. – Признаки того, что волк приходит навестить свою старую конуру.

Вербена посмотрела на грязную подошву своих берц: влажная погода располагала к тому, чтобы после вчерашнего полнолуния остались следы. Они стали изучать местность, огибая дом с разных сторон. Нил освещал фонариком почву, обходил стволы и присматривался к сучкам, на которых могла остаться шерсть. Когда они встретились с Вербеной у задней стены, Нил вопросительно взметнул подбородок, а она помотала головой. Они прокопошились вокруг сгоревшего дома еще по меньшей мере час и, уставшие, присели на

каменное основание между покосившихся угольных бревен. Нил уперся локтями в колени и уставился на зачаток тропы, которая когда-то вела в Туманную долину.

– Может, они уехали из города? – предположила Вербена. – Могли же они тебя испугаться.

Нил смешливо фыркнул, погладив сзади шею.

– Одновременно с Мелиссой Санлайт.

Вербена недовольно цокнула и вздохнула.

– Да отстань ты уже от этой девчонки. Тебе больше не в чем ее подозревать.

– Она слишком много знает. И знала до меня, – Нил скрестил пальцы и задумчиво взглянул на узор выгоревшей доски.

– Это не преступление. Глядишь, если бы не уехала, через пару лет оказалась бы среди нас, – они оба хмыкнули.

Нил отрешенно рассматривал стволы и остатки здания, представляя, что почти двадцать лет назад прямо здесь его дед вершил дело всей своей жизни. Дрался плечом к плечу с соратниками. Теперь между стволов умиротворяюще чирикали птички, а солнце дружелюбно прорезалось через сосны. Ни деда, ни соратников, ни оборотней больше не было в живых.

– Может, они не агрессивные? – сделала новое предположение Вербена.

– Я бы разделся и напомнил тебе, как выглядит шрам на моей спине, – Нил взглянул на Вербену, и заметил, что её

брови поднялись над дужкой очков. – Но боюсь, ты ослепнешь от моей красоты.

Брови все еще не опускались. Вербена приспустила темные очки и выразительно глянула поверх них.

– Извини, – искренне сказал Нил. Он знал, она не любит такие шутки. Не про его красоту, а про зрение. Нил хлопнул ладонями по коленям и поднялся. – Опять нихрена, – подвел он итог вылазки.

– Может, это к лучшему? – спросила Вербена, поднявшись вслед за ним. – Они сбежали, спрятались, неважно – минус проблема.

– И олени испугались и сбежали, да?

– Олень был один, – Вербена скорым шагом сошла со скользкого холма, ловко зацепившись за ветку, – И его обезглавили, поэтому все прекратилось.

Нил, прищурившись, нагнулся к ней и заговорил зловеще:

– Один притащил медведей на площадь, один за ночь вырезал три отряда матерых Охотников? – он бросил взгляд под ноги, чтобы не споткнуться, – Сама-то в это веришь?

– Вполне. Во-первых, Сова сказала, что во время облавы лунн демонстрировал признаки чего-то, похожего на телекинез. Во-вторых, это могло быть психическое воздействие. Типа гипноза. Помнишь, что исследователи сказали? У особи из вивария была зарегистрирована высокая психо-мозговая активность, – назидательным тоном говорила Вербена. – Поэтому они погибли – видели не то, что на самом деле. Ма-

ло ли что умеют эти лунны.

Нил задумчиво уставился вперед: там уже виднелись дома и мотоцикл. Он пнул носком ботинка камешек, и тот поскакал с пологого холма прямо к дороге.

– А если нет? Тебя не бесит бездействие? Всем Домом сидим, кофе гоняем на летней веранде.

– Нет, Нил, после всех тех событий я вполне радуюсь передышке. К тому же, наша задача не только в том, чтобы бошки рубить, как ты хочешь, – раздраженно ответила Вербена, дернув ноздрей. – Иногда нужно работать тем, что в эти бошках имеется. Мозг там не просто так. Поэтому Линд и придумал для нас этот диплом с исследованиями.

Нил раздраженно цокнул и закатил глаза.

Глава 10.

Мама обещала не пить. Это придало Мелиссе сил.

Каждый день, приходя домой, Мелисса старалась учуять кислый запах и первым делом шла проверять мусорку в поисках пустых бутылок. Их не было.

От этого становилось легче, но недостаточно. И все же появилась надежда, что они маленькими шагами ступают по трясине куда-то в нормальное будущее. Пока спустя неделю они не провалились в неё по горло.

Придя с работы, Мелисса привычно направилась к кухне, но, проходя мимо маминой комнаты, заметила её силуэт. Миссис Санлайт закопошилась, но стеклянный перезвон сразу выдал, что она пытается спрятать.

– Мам, ты почему не на работе? – Мелисса косилась в сторону кровати, под которую мама хотела забросить бутылку.

Грейс улыбалась совершенно нелепо, будто делала вид, что не слышит вопроса.

– Мам? – Мелисса сжала губы.

– Меня уволили.

Мелисса скрестила руки на груди. Дышать стало тяжелее. От слов и от запаха перегара.

– Почему?

Мама отвернулась на компьютерном кресле к ноутбуку.

– Подумай сама, – не своим голосом ответила она.

Грейс замерла, словно думала, что Мелисса перестанет её замечать, но та громкими шагами подошла к кровати и отодвинула коробки с вещами, что стояли под ней. Там были бутылки, которые Мелисса успешно не находила в мусорном ведре. Грейс не обернулась. Она спрятала лицо в ладонях.

– Мама, – губы тряслись. – Ты же обещала. – мама молчала, и Мелисса грубо рывкнула. – Ты обещала!

– Я не могу! – вдруг истерично крикнула мама, всплеснув руками, отчего Мелисса вздрогнула. – Я устала! Я больше не могу! Мне тяжело, как ты не понимаешь? Не трогай меня хотя бы один день!

Мама резко сбросила со стола вещи. Зарыдала. Мелисса никогда такого не видела. Хрипение, конвульсии. Ей стало страшно. И тошно.

Мелисса вылетела из комнаты, подавляя собственный плач. Она натянула тяжелые ботинки и сбежала из чертовой квартиры так стремительно, что ротвейлер поздно спохватился лаять.

Мелисса обхватила себя, закутавшись в мягкую клетчатую рубашку. Кудри лезли в лицо от ветра. Ноги несли её быстро куда-то вдоль улицы. Она со всей силы пнула смятую банку пива, валявшуюся на дороге, чем заслужила недовольное ворчание от пожилой женщины. Мелиссе было глубоко плевать. Ей хотелось выть. Ничерта она не сильная. Не умная. Ничего не может сделать, кроме как сбежать от матери, которой нужна помощь. Еще больше помощи. Но Мелиссе

вдруг показалось, что она, как ребенок, не должна...

Интересно, она смогла бы помочь Ламмерту, если бы они были знакомы, когда он..когда ему было так плохо? Или так же подло сбежала бы, поджав хвост?

Мелисса закончила свой марафон по спортивной ходьбе у местного пруда, вокруг которого в Пайнвуде гуляли с собаками. Она залезла на скамейку с ногами, по-турецки, и погрузила лицо в ладони. Как пережить этот день? И все остальные, которые её ждут.

От воды веяло прохладой и тиной. Мелисса запрокинула голову и громко хлюпнула носом. Пальцы полезли в карман джинсов за телефоном.

Гудков было слишком много. Мелисса уже хотела выбросить чертов телефон в пруд, но на том конце послышался мужской голос.

– Мне сейчас некогда, что-то срочное?

От этой небрежности на сердце и в горле резануло. Мелисса замерла.

– Да, пап! Срочное! Мама чуть себя не убила в пьяном угаре, а теперь её уволили! Она мне врет, – Мелисса хотела услышать какую-то реакцию, но тишина была слишком обидной, и она поспешила её заполнить всей скопившейся злобой, – Ты отец или кто? Нахрена ты вообще нужен, если тебя нет рядом? Я уже устала! Я от вас обоих уже так устала, черт возьми! – губы дрожали без всякого контроля. – Если ты нам не поможешь, я буду считать, что отца у меня нет.

Мелисса оторвала телефон от уха и уже навела палец на сброс вызова, как вдруг все же услышала тихое “Я приеду”. Только вот приезд папы, возможно, не решение проблемы, а масло, стремящееся в огонь.

– Мелисса, ты когда будешь? Нужно серьезно поговорить.

Нетвердый мамин голос из динамика телефона не предвещал ничего хорошего.

– Как обычно, минут через двадцать.

Миранда поправляла в раздевалке макияж. Она обеспокоенно посмотрела на Мелиссу через отражение в зеркале.

– Что-то случилось? – спросила она, когда подавленная Мелисса устало уселась на стул в джинсах и бюстгальтере.

– Без понятия, – протянула та, запрокинув голову. – Не хочу домой. Может прогуляемся до кофейни?

– Да, можно, почему нет.

В следующий раз мама позвонила, когда Мелисса просила баристу добавить в какао побольше маршмеллоу.

– Да иду я! – грубо ответила она, после того, как мама не пояснила причину своего очередного звонка. – Я что, не могу прогуляться после работы?

Миранда обеспокоенно слушала разговор, но вопросов не задавала. Это помогало Мелиссе отвлечься. Сначала они задержались в кафе. Там Мелисса выключила звук на телефоне. Потом они пошли гулять к пруду. Хохотали, даже до слез. Мелисса глубоко вдыхала прохладный воздух, приятно про-

никавший под рубашку, и распустила кудри. Миранда увлекалась своими разговорами про ухажеров. Солнце уже завалилось за гору, когда Мелисса полезла показать Миранде пару фотографий и увидела пропущенные звонки от папы.

– Что такое? – спросила Миранда, заметив, как резко помурачнело лицо подруги.

– Папа звонил.

– Перезвонишь?

– Нет.

Видимо, он приехал. А мама хотела поговорить о том, каким неудачным решением было вызвать его на помощь. Или о том, что Мелисса не предупредила о его вероятном приезде. Или о том, что с родным отцом так грубо говорить нельзя.

Они с мамой игнорировали проблему. Их аренда истекала в августе. Мелисса взяла все возможные смены, но не затем, чтобы заработать, а потому что не могла находиться дома. Мама не смогла сдержать обещание. Видимо, это была новая реальность для Мелиссы. Она не проверяла мусорное ведро и не помнила, как ведут себя трезвые. Наверно, не ходят медленно и покачиваясь, не роняют предметы, не запираются в туалете на часы. Внятно говорят, что им нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.